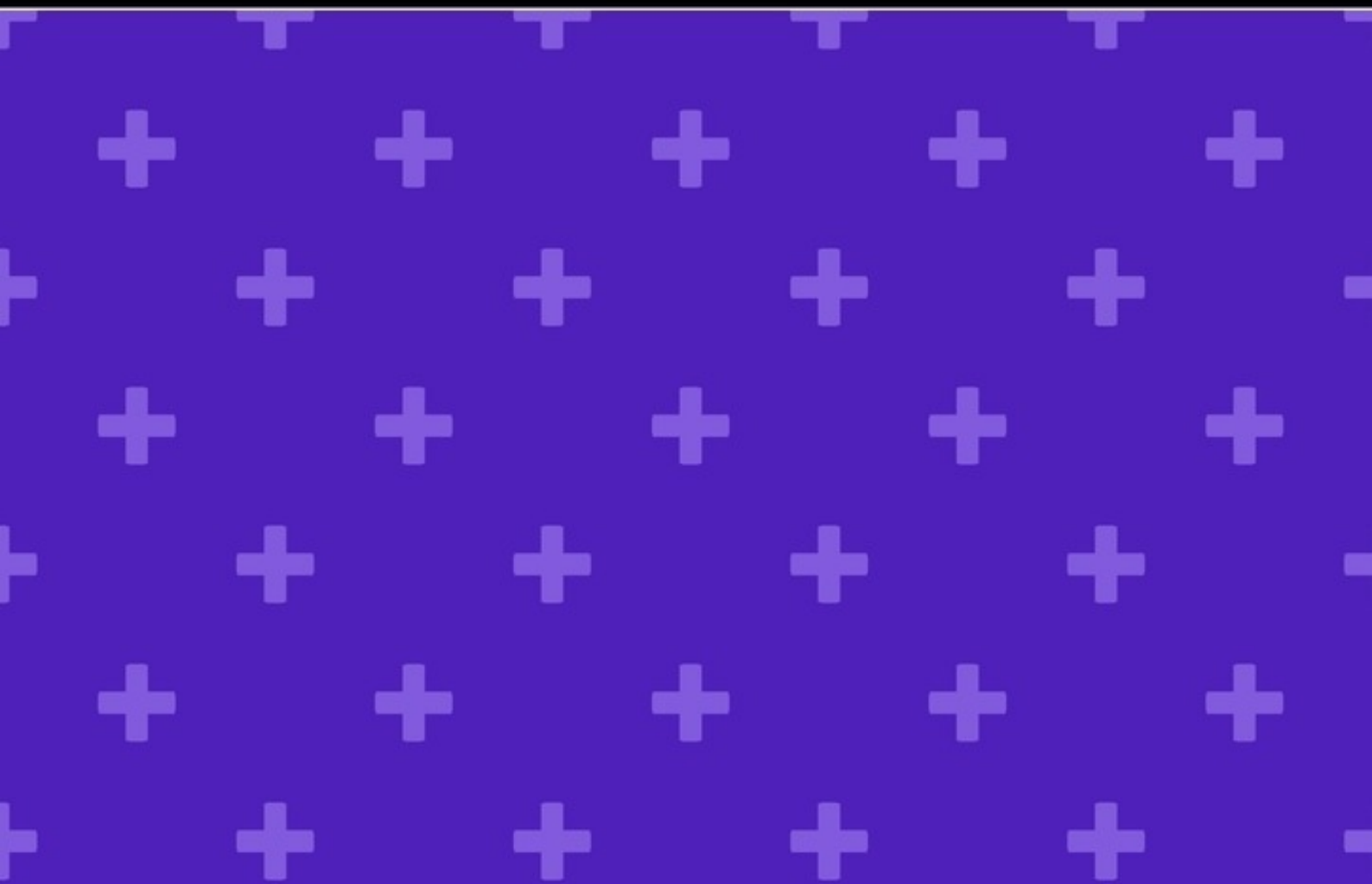

Алексей Пшенов

*Шесть,
шесть,
шесть...*

Алексей Пшенов

Шесть, шесть, шесть...

«Издательские решения»

Пшенов А.

Шесть, шесть, шесть... / А. Пшенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856753-7

Среди профессиональных игроков издавна ходит легенда о том, что создатель рулетки — знаменитый математик Блез Паскаль — знал некую выигрышную закономерность. Ключом к ней является сумма всех игровых полей рулетки — число 666, известное из Библии как число Зверя. Пытаясь вычислить эту закономерность, Егор Коваленко узнаёт о древней шестеричной системе счисления и знаке стигма, когда-то означавшем цифру 6. А найдя старинный Феодосийский список, он оказывается в эпицентре самых невероятных событий.

ISBN 978-5-44-856753-7

© Пшенов А.

© Издательские решения

Содержание

0	6
1	10
2	14
3	19
4	23
5	28
6	31
7	34
8	38
9	40
10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Шесть, шесть, шесть...

Алексей Пшенов

*Математика – это язык, на котором
Природа разговаривает с людьми
Галилео Галилей.*

*Кто имеет ум, тот сочти число зверя, Ибо это число
человеческое...
Откровение Иоанна Богослова.*

© Алексей Пшенов, 2018

ISBN 978-5-4485-6753-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

0

Матово-бледный шарик из слоновой кости с дробным веселым стуком катился вдоль бортика неглубокой конической чаши. Сама деревянная чаша с глухим скрипом вращалась вокруг металлической оси, а ее дно было разделено на неглубокие выемки пронумерованные красными и черными цифрами. Все это неуклюжее и шумное сооружение было установлено во главе длинного обеденного стола, накрытого зеленым бархатом. На столе не было никакой посуды кроме двух кубков синего венецианского стекла, а бархатная скатерть было аккуратно разграфлена мелом на тридцать шесть одинаковых квадратов, выстроенных в три ряда. Окна в просторном обеденном зале были плотно задернуты тяжелыми гардинами, и двое мужчин, сидящие по разные стороны стола, в дрожащем свете вязко оплывающих свечей внимательно следили за замедляющимся бегом шарика. Один из них, осанистый франт с жестким волевым подбородком, густыми пышно взбитыми волосами и острыми усами-стрелами, одетый в новый темно-лиловый камзол, являл собой образец блестящего гвардейского офицера. Другой – subtilный, болезненно-бледный, с вытянутым, похожим на утиный клюв носом и большими залысинами, подчеркивающими высоту его лба, был одет в поношенный черный сюртук и вполне мог сойти за мелкого провинциального чиновника. Наконец, шарик соскользнул с неподвижного желоба на вращающийся диск и, невысоко подпрыгивая на разделительных ребрах, поскакал по номерным ячейкам. Сделав несколько кругов, он неопределенно покачался взад-вперед и, в конце концов, замер в клиновидной выемке под номером 0.

– Это невероятно! – размахисто ударил кулаком по столу офицер. – Мы закрыли фишками все игровые поля кроме zero и все равно проиграли! Блез, что на этот раз скажет ваша «математика случайного»? («Математикой случайного» в XVII в. называли теорию вероятностей)

– Как обычно ничего определенного, – спокойно ответил мужчина, похожий на чиновника. – Моя «математика случайного» может подсчитать только шансы выпадения того или иного номера, и ничего более. В данной комбинации шанс того, что zero повторно выпадет именно на сорок седьмом ходу, оценивался мной, как один к двумстам шестнадцати, однако сыграл именно он. И все же, я предлагаю продолжить игру.

– Продолжить игру?! – офицер саркастически рассмеялся и арифметической линейкой передвинул разложенные по пронумерованным квадратам разноцветные деревянные кружочки к высившейся у замершего диска горе таких же импровизированных игровых фишек. – Да, если бы мы играли на настоящие деньги, то уже оставили бы за этим столом целое состояние! Вы изобрели поистине гениальную лотерею! Это уже не арифметическая машина или омнибус! Но я могу поклясться своей правой рукой, что король, при всем его уважении к фамилии Паскаль, ни за что не выдаст вам привилегию на открытие столь прибыльного дела! Даже если я, герцог Артюс Гуфье де Роаннец, в очередной раз выступлю в роли вашего компаньона и покровителя!

– А мне в этот раз не нужна никакая королевская привилегия, – благодушно улыбнулся математик. – Меня вполне устроит, если его величество сами откроют в Париже хотя бы одну такую лотерею.

– Тогда я ничего не понимаю, – острые усы герцога недоуменно опустились вниз.

– Сейчас поймете. Запускайте шарик! – Паскаль решительно достал из кожаного мешочка-кошелек несколько золотых монет и аккуратной стопочкой выставил их в центр квадрата под номером шесть.

Герцог де Роаннец молча раскрутил диск за вбитую в его центр массивную медную крестовину и отточенным движением опытного фехтовальщика вбросил шарик в игру. Задержав дыхание, словно боясь спугнуть удачу, мужчины заворожено уставились на стремительно летя-

щие по кругу цифры. Через полминуты костяной шарик глухо стукнулся о дно ячейки, пронумерованной пузатой черной шестеркой с замысловатым завитком.

– Звоните, дьявол умер! – торжествующе воскликнул Паскаль. (Общепринятое в XVII в. восклицание при выигрыше)

– А мне кажется, он только что родился, – неожиданно помрачнел герцог. – За целый час мы, пользуясь вашей математикой случайного и закрывая различное количество полей, выиграли всего два раза, а сейчас у вас сыграла одна-единственная ставка. И какая! Вы разом отыграли все свои деньги, да еще и остались в барыше! Никто кроме дьявола не мог подсказать вам эту цифру.

– Успокойтесь, мой друг. В том, что вы сейчас увидели, нет никакой чертовщины. Когда я занимался изучением свойств циклоиды, то однажды заменил абстрактную геометрическую окружность настоящим колесом, разбитым на тридцать шесть сегментов, и, произвольно раскручивая его, обнаружил странную закономерность, которую назвал законом шестеричной цикличности. В нем изысканная математическая строгость очень тонко сочетается с неопределенностью случайного. Эта закономерность настолько невероятна, а главное, совершенно необъяснима с точки зрения современной математики, что во избежание насмешек я не рискнул упоминать о ней ни в одной из своих работ. Полгода назад, разбирая свои архивы, я наткнулся на старую рукопись о циклоиде и решил применить закон шестеричной цикличности на практике. Превратив обычное колесо в игровое, я создал игру-лотерею, которая обладает совершенно необъяснимыми на взгляд непосвященного человека свойствами.

– Честно говоря, хоть я и сам не чужд математике, но ничего не понял в ваших высоких теоретических рассуждениях, – высокомерно фыркнул герцог. – Вы что, благодаря своему новому закону какой-то шестеричной цикличности, можете вычислять порядок выпадения номеров в своей лотерее?

– Я думаю, что задача вычислить все номера под силу только господу Богу. А я всего лишь скромный математик и могу указать только несколько чисел, которые не могут не выпасть. Впрочем, этого мне вполне достаточно чтобы распоряжаться ставками не хуже владельца игорного стола. При желании я смогу легко разорить самого хозяина лотереи.

– А вы рассказывали про эту лотерею своим друзьям-янсенистам?

– Разумеется. Отец Антуан Арно, настоятель монастыря в Пор-Рояле, одобрил мое предприятие с условием, что все мои выигрыши пойдут на помощь неимущим и страждущим беднякам, а так же на нужды нашей янсенистской общины. Какая беда, если богатые парижские транжиры и бездельники поделятся своими деньгами с больными и голодными соотечественниками? – при последних словах Паскаль болезненно сморщился и, закрыв глаза, стал энергично растирать кончиками пальцев виски и высокий восково-бледный лоб.

– Ваши труды вас когда-нибудь убьют, Блез, – сочувственно вздохнул герцог и настороженно спросил:

– А вы кого-нибудь уже посвятили в секрет вашего нового закона?

– Пока нет, – продолжая массировать голову, тихо ответил ученый, – В Пор-Рояле живут монахи-богословы, а не математики и шулера. Им будет сложно использовать мой закон на практике. Но если мое здоровье будет по-прежнему ухудшаться, то я передам тетрадь со всеми математическими выкладками лично Антуану Арно. Он человек умный и сумеет использовать шестеричную цикличность во благо истинно праведной церкви.

– А вас не смущает то, что сумма всех игровых полей вашей лотереи составляет число шестьсот шестьдесят шесть?

Паскаль отнял руки от головы и открыл глаза. Его холодный и ясный взгляд резко контрастировал с измученным болезнью лицом. Ученый сделал несколько глотков из стоявшего на столе хрустального кубка венецианской работы и пренебрежительно спросил:

– А вы уже успели сосчитать? Хи Кси Стигма.

– Простите, не понял.

– Так пишется число шестьсот шестьдесят шесть в ионической системе счисления. Когда Иоанн Богослов писал свое «Откровение» до создания привычной нам десятичной позиционной системы оставалось еще лет пятьсот. И именно этими греческими буквами число Зверя записано в древних канонических рукописях. Это число можно не только сосчитать, но и прочитать. Поэтому неизвестно что именно подразумевал Иоанн Богослов, произнося: «Сочти»...

– Вы хотите сказать, что Зверя надо искать не в числах, а в буквах?

– Не надо искать никакого Зверя там, где его нет. Дорогой Артюр, вы хорошо знаете, что я не только ученый, но еще и глубоко верующий человек и богослов. Я уже несколько лет работаю над «Апологией Священного Писания» и считаю, что с этим числом все не так просто и прямолинейно. «Откровение» Иоанна Богослова триста лет считалось апокрифом, и только под давлением святого императора Феодосия Иппонский поместный собор канонизировал его как последнюю часть Нового Завета. «Откровение» и по сию пору вызывает споры и самые противоречивые толкования. По моему убеждению, оно является строгой последовательностью аллегорий и символов христианской веры. Так тысячелетнее царство является символом небесной вечности и красоты, а число Зверя всего лишь знамение земного тлена и ущербности. К тому же, с математической точки зрения, тысячу можно рассматривать как символ новой для того времени ионийской системы счисления, а шестьсот шестьдесят шесть, как символ языческой шестеричной методики.

– А вы не опасаетесь в очередной раз привлечь к себе излишнее внимание Дружины Иисуса? – нахмурился герцог. – В отличие от вас, иезуиты трактуют Апокалипсис крайне просто и прямолинейно. Я боюсь, что, услышав такие высказывания, они не станут вступать в теософскую, а тем паче в математическую дискуссию, а поступят согласно своей собственной морали? Как они говорят: мы исправляем порочность наших средств, чистотой нашей цели...

– Иезуиты в своей погоне за безграничной властью откровенно презрели христианскую мораль, и сами стали похожи на предтечу Апокалипсиса. Я открыто писал об этом в свих «Письмах провинциала» (Полемический очерк Паскаля, обличающий двойную мораль иезуитов). Я верю в истинного Бога, и поэтому мне здесь некого бояться, – спокойно и твердо ответил Паскаль.

– Вы отважный человек, Блез! – глядя куда-то мимо собеседника, пафосно воскликнул де Роаннец. – И если вы настроены так решительно, то я завтра же расскажу королю о вашем новом изобретении!

– Спасибо, мой друг! – учтиво кивнул головой Паскаль.

Каминные часы, украшенные пасторальными фигурками юного пастушка и дриады, пробили шесть раз.

– Однако мне уже пора домой, на семь часов новый доктор назначил мне ванну с минеральными водами.

– Подать вам карету? – герцог дернул бархатный шнурок звонка, вызывая слугу.

– Спасибо, сегодня хорошая погода и я, пожалуй, прогуляюсь пешком. Весенний воздух бодрит тело и просветляет голову.

– А как же ваша лотерея? – де Роаннец указал на громоздкий поворотный диск с пронумерованными лузами и металлической крестовиной. – Может, мои слуги донесут ее до вашего дома?

– Спасибо, не надо. Пусть рулетта пока останется у вас.

– Как вы ее назвали?

– Я решил назвать эту лотерею так же, как я называю циклоиду. Рулеттой. (от французского глагола *rouler* – катиться. *Roulette* имеет значения: колесико, ролик, рулет, циклоида, рулетка измерительная и рулетка игровая)

– Колесико? Рулет? – усмехнулся герцог, – А может быть каталка или крутилка? Вот самое меткое название. Ваша оригинальная лотерея способна раскрутить человека на очень хорошие деньги.

В это время двустворчатая арочная дверь, вкрадчиво скрипнув, отворилась, и на пороге комнаты возник дюжий привратник в ярко-красной ливрее.

– Жак, проводите господина Паскаля до его дома.

– Благодарю вас, дорогой Артюс. Я с восемнадцати лет не помню ни единого дня, когда бы чувствовал себя абсолютно здоровым, – ученый, держась за подлокотники, с заметным усилием выбрался из глубокого кресла и, опираясь на легкую, но прочную бамбуковую трость, медленно захромал к выходу.

– Блез, завтра после разговора с королем я сразу же заеду к вам.

– Это будет очень любезно с вашей стороны, – учтиво кивнул Паскаль.

Когда за ученым закрылась высокая арочная дверь, герцог самодовольно улыбнулся и звучно шелкнул пальцем по начищенной до блеска медной крестовине рулетты.

– Ну, что же? Крутилка, так крутилка! Вряд ли мой глубоко болезненный друг сумеет воспользоваться плодами своего нового изобретения.

1

– И почему эти проклятые казино не закрыли два года назад, сразу после постановления о создании игорных зон? Почему им дали такую большую отсрочку? – высокая бледная женщина в длинном черном платье, кисейном траурном платке и узких солнцезащитных очках подошла к распахнутому настежь окну и резко отщелкнула только что прикуренную сигарету в вечернее ультрамариновое небо.

– Оля, это уже ничего не изменило бы. Похоже, наш отец начал играть задолго до всяких постановлений. Мы сами потеряли его, – умудрились жить в двух шагах друг от друга так, словно на разных планетах. Ты когда была здесь последний раз?

Мужчина в кургузом, явно с чужого плеча старом махровом халате, такой же высокий и бледный, как и его сестра, обвел рукой комнату, вся обстановка которой состояла из платяного шкафа, пустого серванта, промятой софы с затертыми подушками, кухонного табурета и письменного стола, растрескавшегося в мелкую лаковую паутинку. Под столом на полу стоял потемневший от времени системный блок, похожий на огромный силикатный кирпич, а на столешнице архаичный лучевой монитор с подслеповатым двенадцатидюймовым экраном. Между монитором и исполнявшей роль пепельницы треснувшей суповой тарелкой стояла перехваченная траурной ленточкой портретная фотография улыбающегося майора с артиллерийскими петлицами.

Женщина подняла гипсовое лицо к пожелтевшему от табачного дыма потолку и, спотыкаясь на отдельных фразах, словно отходя от короткой амнезии, негромко ответила:

– Последний раз я была здесь на его дне рождения... четыре года назад... отцу исполнилось пятьдесят пять... но тогда все выглядело не так ужасно... последний год я звонила ему каждую неделю... и отец всегда говорил, что у него все хорошо. А в мае после суда я сама развозила вас обоих по домам... но отца я проводила только до двери... Он тогда не пустил меня в квартиру.

– Вот и я был здесь четыре года назад. Я тоже разговаривал с отцом раз в неделю. И тоже слышал, что у него все хорошо.

– А, знаешь, лучше бы ты иногда с ним не разговаривал, – женщина приподняла солнцезащитные очки на лоб, вытерла покрасневшие глаза черным кружевным платочком и, повернувшись к окну, закурила новую сигарету.

– Ты же знаешь, что я сам ничего отцу не рассказывал. Он случайно увидел сюжет про Машу Коровкину по телевизору. Если бы я знал, чем все закончится, то сам лег бы в ванну и вскрыл себе вены... Серьезно...

– Прекрасно, и сегодня я занималась бы двойными похоронами, – женщина сделала пару глубоких торопливых затяжек и снова выбросила сигарету в окно. – Иногда следует думать, прежде чем что-то говорить или делать. Я просто удивляюсь, как такой разгильдяй, как ты, десять лет проработал хирургом и никого за это время не зарезал?

– Пациенты живучие попадались, – саркастически усмехнулся мужчина. – Даже, если бы я кого-нибудь и зарезал на операционном столе, то никакой трагедии не случилось бы. Горбольница – это не клиника пластической хирургии, там все просто, без претензий. Но, ничего, теперь ошибка моего профессионального выбора исправлена. Я лишен лицензии на три года, а твой Плевако не сумел отсудить даже штраф за упущенную выгоду и моральный вред.

– Спасти твою лицензию могли только такие корифеи, как Генрих Падва или Анатолий Кучерена. А мой муж пока всего лишь Виктор Астапов, и будь ему благодарен за то, что он взялся тебя бесплатно защищать и тебя реально не посадили.

– Да я бы лучше три года реально отсидел, чем превратился в бомжа-должника.

– Ты еще можешь подать апелляцию в Верховный Суд.

– Ты думаешь, это что-нибудь изменит?

– Я думаю, надо было в свое время внимательно посмотреть, что эта Маша Коровкина подсовывала тебе вместо расписки.

– Надо было..., не надо было, – хмуро огрызнулся мужчина. – Сам накосячил, – сам и пострадал. Вот только что мне теперь дальше делать? Честно говоря, я очень рассчитывал на отца, а теперь не удивлюсь, если меня обвинят в его убийстве.

– Не говори ерунду, с тобой ничего непоправимого не произошло, – с редкостной смесью раздражения и утешения ответила женщина. – Я, конечно, со своей научной зарплатой помочь тебе ничем не могу, да и муж тебе тоже денег не даст. Он сейчас строит загородный дом. Можно продать мой «Лэндкрузер», но это, опять-таки подарок Виктора, и ни к чему хорошему такой поступок не приведет. В общем, первое время поживешь у нас, потом найдешь какую-нибудь денежную работу, начнешь понемногу гасить долг, а там, глядишь, все как-нибудь и уладится.

– Оля, что ты говоришь? Ты же разумная женщина. Сколько я смогу прожить у вас? Месяц, два? Максимум полгода... А сколько лет мне понадобится, чтобы выплатить три с лишним миллиона? И какую такую денежную работу кроме подпольного абортария я могу найти? Официально меня теперь даже медбратом в самую зачуханную горбольницу не возьмут. Мне три года нельзя работать в медицине. Да и через три года, куда я пойду с такой репутацией?

– Свет не сошелся клином на медицине, есть и другие профессии.

– Я ничем кроме скальпеля и пинцета профессионально пользоваться не умею.

– Ничего, научись. Сам же любил говорить: не боги горшки обжигают. Может, мой муж что-нибудь для тебя подберет.

– Ага, подберет мне место мальчика-курьера в адвокатской конторе, или сторожа-охранника. А, кстати, это идея. Пусть Виктор возьмет меня ночным сторожем в свой офис. По крайней мере, моя жилищная проблема будет решена. Днем я буду просить милостыню в метро и на вокзалах, а по ночам отсыпаться в холле на канале. И никакие судебные приставы меня там в жизни не найдут, – мужчина нервно и зло рассмеялся.

– Не ерничай, Егор. Тебе это не идет.

– А что мне еще делать? Отец был моей последней надеждой, – мужчина выразительно посмотрел на траурную фотографию, стоявшую на столе. – А теперь...

– А теперь дай мне, пожалуйста, отцовский договор. Может быть, Виктор сумеет его оспорить.

– Бесполезно.

Мужчина подошел к письменному столу, достал из верхнего ящика пухлую пластиковую папку-конверт и протянул ее сестре. Та расстегнула кнопку, вынула сколотую скрепкой пачку листов и начала читать вслух:

– Договор коммерческого займа под залог недвижимости. Я, Коваленко Анатолий Михайлович, именуемый в дальнейшем заемщик...

– Это не заем, Оля, это чистый лохотрон. Отец официально продал эту квартиру ООО «Форвард – М» в лице ее полномочного представителя Грищука Петра Мироновича с правом последующего преимущественного выкупа. Там в конце прилагается договор купли-продажи.

Женщина перевернула пару листов и возмущенно замотала головой.

– Шесть процентов в месяц?!

– Я же тебе говорил. Плюс невозможность досрочного погашения. Чем выплачивать такие проценты проще новую квартиру купить.

– Ни один нормальный человек добровольно не полезет в такую кабалу!

– Фокус в том, что кредит выдают наличными прямо у нотариуса, без всяких бумажек и проволочек.

– Но на что отец рассчитывал?

– Видимо, на крупный выигрыш, – удрученно ответил мужчина.

– Мы подадим в суд и докажем, что отец в момент подписания договора был невменяем! Сделку признают ничтожной.

– Оля, отец умер. Мы уже ничего никому не докажем...

Женщина опустила голову и взяла брата за руку:

– Пойдем отсюда.

– Куда?

– Ко мне домой.

Мужчина отрицательно повел головой:

– Я сегодня останусь здесь.

Женщина посмотрела ему в глаза с откровенным подозрением и опаской:

– Мне не хватает только тебя потерять.

– Не беспокойся, я ещё не дозрел до самоубийства.

– А тебе не страшно будет здесь ночевать?

– Мне уже ничего не страшно.

Женщина положила документы обратно в папку и звучно цокая каблуками по давно не мытому ламинату вышла в прихожую. На пороге она обернулась и еще раз пристально посмотрела на мужчину.

– Здесь надо, как следует прибраться. Я приеду завтра утром... Егор, ты точно хочешь остаться здесь?

– Не волнуйся. И загляни, пожалуйста, ко мне домой, привези какую-нибудь чистую одежду, – мужчина достал из оттопыренного халатного кармана потертую кожаную ключницу и протянул ее сестре.

– Хорошо.

Когда в прихожей глухо ухнула тяжелая входная дверь, мужчина подошел к столу и включил компьютер. Системный блок натужно, с перебоями заурчал, словно старый дизельный двигатель на январском морозе, но через пару минут напряженной борьбы с самим собой все же загрузился. На жестком диске было всего два файла: «Игры» и «ГЛИМСКИНД». Мужчина проигнорировал первый файл и сразу взялся за загадочного «ГЛИМСКИНДА». Там открылась подборка записей с видеокамер какого-то казино. Объектом наблюдения был неряшливо одетый небритый мужчина неопределенного возраста. Его неопрятный вид резко диссонировал с холеной и ухоженной публикой, собравшейся за игровым столом VIP-рулетки, но никто не обращал на это внимания, а новые игроки, подходя к столу, зачем-то намеренно дотрагивались до локтя его мятого, изрядно потертого пиджака. Мужчина методично ставил по одной пятисотрублевой фишке исключительно в номер и заметно нервничал: тербил кончик носа, ерошил и без того растрепанные густые курчавые волосы и невнятно шевелил губами, словно что-то подсчитывая в уме. За целый час ни одна его ставка не сыграла, и Егор уже хотел выключить запись, когда странный мужчина, словно переходящий к финальной коде дирижер, решительно встряхнул своей растрепанной творческой шевелюрой, достал из кармана «золотую» пятидесятирублевую фишку и эффектно выбросил ее на номер 15. Крупье запустил рулетку, мужчина замер, закусил нижнюю губу и, не мигая, словно пытаясь загипнотизировать игровое колесо, побежал глазами за мчащимся по кругу шариком. Если бы камера наблюдения записывала звук, то Егор услышал бы похожий на океанский прибой гул удивления, прокатившийся по залу, когда матовый шарик, окончив свой бег и манерно поколебавшись напоследок, упал в черную лунку под номером пятнадцать. Многие игроки восторженно зааплодировали, кто-то похлопал мужчину по плечу. Абсолютно бесстрастным оставался только крупье, он флегматично выстроил на столе аккуратные столбики из тысячных и пятидесятирублевых фишек, дважды их пересчитал, а затем лопаточкой передвинул к победителю. Тот, похоже, еще не совсем веря в свою удачу, смущенно заулыбался, рассеянно распихал свой выигрыш по оттопырившимся карманам, бросил пару фишек «на чай» крупье, зачем-то поклонился собравшейся у стола пуб-

лике и усталой, тяжелой походкой портового докера, направился к бару. На следующей записи мужчина снова сидел за тем же столом, и перед ним лежала целая гора пятисотенных чипов. Он по-прежнему играл straight (ставка на один номер), но теперь уже не так нервничал: не теребил нос и не растрепывал волосы, только продолжал едва заметно шевелить губами. Егор промотал запись до того момента, когда мужчина, во второй раз, проиграв почти всю «мелочь», выставил «золотую» фишку на номер двадцать восемь. Крупье еще не запустил колесо, а у стола уже собралась едва ли не половина посетителей казино. Несколько игроков, вслед за мужчиной, тоже сделали небольшие ставки на выбранный им номер. И во второй раз шарик, как намагниченный, упал в указанную лунку. Крупье смущенно развел руками, показывая, что за столом нет требуемой суммы. В кадре, словно из ниоткуда, появился серьезный подтянутый мужчина, видимо, супервайзер или даже начальник службы безопасности. Он задал несколько вопросов крупье и исчез так же незаметно, как и появился. А через минуту к столу подошла девушка в клубной униформе с подносом выигранных фишек. На этот раз победитель уже не выглядел смущенным и неуверенным. Он самодовольно рассмеялся, не считая, бросил дилеру чаевые, послал воздушный поцелуй сидевшей напротив него блондинке в открытом вечернем платье и снова удалился в сторону бара. На третьей записи все повторилось заново, только супервайзер с самого начала игры встал за спиной у дилера. На выбранный мужчиной номер одиннадцать вслед за его везучей «золотой» фишкой высыпалась целая гора более мелких чипов. И снова выигрыш, победная улыбка и вскинутая вверх рука с двумя пальцами в виде буквы V. Но на этот раз мужчина вышел из-за стола, заметно пошатываясь, видимо, два подхода к барной стойке сделали свое дело. Больше в файле ничего не было. Егор Коваленко оторвался от монитора и несколько раз провел перед глазами ладонью правой руки, проверяя реальность увиденного. Все оказалось вполне реальным.

– Ни фига себе, – обескуражено прошептал бывший хирург.

За окном тихо догорал первый день самого жаркого летнего месяца. День, в который по всей России должны были навсегда закрыться все игорные заведения.

2

Двойняшки Егор и Оля Коваленко родились в семье военных: отец был офицер-ракетчик, мать – военный хирург. Детство они провели в засекреченных военных городках, и, вероятно, до своего совершеннолетия кочевали бы по стране, но в середине восьмидесятых, когда родители служили на радиолокационной станции в Западной Грузии, мать, неожиданно увлекшаяся горными лыжами, разбилась на одной из трасс в Бакуриани. Отец, резонно решивший, что одному ему двух детей нормально не воспитать, отправил десятилетних Егора и Олю к своей матери в Москву. Бабушка, только что вышедшая на пенсию и раньше видевшая внука и внучку только во время летних каникул, встретила детей с распростертыми объятьями. Она целиком отдала им свою единственную комнату, а сама перебралась на небольшой кухонный диванчик. Проработав всю жизнь инспектором РОНО, бабушка считала хорошее образование самой важной жизненной ценностью. С Олей все было ясно – девочка с детства буквально «болела» математикой. С трех лет она считала все, что попадалось ей на глаза: ворон на деревьях, детей в песочнице, военных на плацу. Она делила апельсины и яблоки между своими куклами и множила солдатские ряды на шеренги. В первом классе ее любимой книжкой стала старенькая, со всех сторон подклеенная «Математика для любознательных», взятая в школьной библиотеке. Оля с удовольствием решала задачки на сообразительность, несложные арифметические головоломки, и каждый вечер демонстрировала родителям и брату вычитанные в книжке математические фокусы. Отец всячески поощрял такое странное для девочки увлечение, ведь в свое время математика была и его коньком. После школы он поступал в Бауманку, но не добрал полбалла и отправился в армию. Растеряв за время службы немало количество знаний, Анатолий Коваленко не решился еще раз штурмовать престижные гражданские ВУЗы, а направился в Высшее Зенитно-Ракетное училище, где умение общаться с математикой на «ты», было не менее важно, чем в Бауманке или на мехмате МГУ. Теперь, наблюдая, как неожиданно проявляются в подрастающей Оле его «математические» гены, он видел собственное отражение двадцатипятилетней давности. На окончание третьего класса Коваленко-старший подарил дочери только что вышедшую «Математическую шкатулку» Нагибина и Кониная.

– Предмет математики настолько серьезен, что полезно не упускать случаев, делать его хоть немного занимательным. Б. Паскаль, – прочитала Оля эпиграф на титульном листе подаренной книжки. – Пап, а кто такой этот Б. Паскаль?

– Блез Паскаль – это гениальный математик, философ и богослов, живший во Франции во времена трех мушкетеров. Математикой он увлекался с детства и в твоём возрасте так сформулировал теорему о сумме внутренних углов треугольника: три угла папиной шляпы равны двум углам его письменного стола, – улыбнулся отец. – Хотя вы еще не проходите геометрию, и ты вряд ли поняла в чем тут смысл.

Девочка обиженно надула губы, нахмурила лоб и отвернулась.

– Не обижайся, – Анатолий Коваленко подошел к дочери и нежно положил руку на ее детское плечо. – Паскаль был гений, а его отец не хотел, чтобы сын был ученым. Он видел его крупным чиновником, вроде себя и не поощрял увлечение математикой. Вот маленький Блез и изучал геометрию таким прикладным путем.

Оля неожиданно рассмеялась и повернулась к отцу.

– Я все поняла! Это все равно, что три угла «русской пирамиды» равны двум углам бильярдного стола!

Анатолий Коваленко покраснел от радости и смущения. Он не был заядлым игроком, но любил в выходные дни провести час-другой в офицерском клубе за игрой в «русскую пирамиду». Оля, невзирая на запрет матери, часто увязывалась вслед за отцом, чтобы считать очки на упавших в лузу шарах.

– Ты прямо новая Ковалевская! Надо было назвать тебя не Олей, а Соней!

– Ой, не могу! Соня! Соня Ковалевская! – неожиданно задрожавший за письменным столом Егор.

– Я вовсе не соня!

– Нет, ты соня! Ты никогда по утрам вставать в школу не хочешь!

– Я не соня!

Девочка уже хотела накинуться на брата с кулаками, но отец вовремя встал между детьми.

– Соня – это уменьшенное имя от Софьи, что означает «мудрость». Софья Ковалевская была выдающимся русским математиком. Она жила в прошлом веке и стала первой в мире женщиной – профессором математики.

– Я не хочу быть никакой Софьей Ковалевской! Меня зовут Оля Коваленко! – с недетским упорством отчеканила девочка.

– Конечно, тебя зовут Оля, – успокоительно согласился отец.

– Ковалевская! – ехидно добавил выглянувший из-за его спины Егор.

Девочка запустила в брата только что полученной «Математической шкатулкой». Егор увернулся, и книга упала на письменный стол, опрокинув акварельные краски и расцветив комнату разноцветными брызгами. Мальчику пришлось до вечера отмывать размазанную по обоям абстракцию, и с тех пор он, желая чем-нибудь досадить сестре, называл ее Ковалевской. Оля сначала злилась и обижалась, но с возрастом привыкла, и ей даже начало льстить сравнение с такой выдающейся женщиной.

Таким образом, Олино будущее было для бабушки абсолютно ясно. Свой первый год в Москве девочка проучилась в обычной школе, а потом бабушка, используя свои оставшиеся связи в отделе народного образования, перевела ее в престижную физико-математическую школу. Учеба Оле нравилась, и она быстро привыкла к ежедневным часовым поездкам на другой конец огромного города. Она участвовала и побеждала в районных, городских и даже республиканских олимпиадах, и после школы без труда поступила на мехмат МГУ. Впрочем, в начале девяностых туда никто особо не стремился. Окончив мехмат с красным дипломом, Ольга пошла на работу в крупный академический институт, где через четыре года защитила кандидатскую диссертацию и почти сразу приступила к работе над докторской. Еще во время учебы она начала встречаться со студентом юрфака Виктором Астаповым. Их легко предсказуемый роман длился восемь лет и закончился шумной и веселой свадьбой после того, как Ольга защитила кандидатскую, а Виктор получил собственную адвокатскую практику. Словом, устроенная и размеренная жизнь Ольги Коваленко была «похожа на фруктовый кефир», и ее это вполне устраивало.

Совсем другое дело было у ее брата. Педагогические навыки бабушки в области профессиональной ориентации не приносили никаких результатов. Десятилетний Егор понятия не имел, кем хочет быть, но абсолютно твердо знал, кем не хочет. Он не хотел быть военным, учителем, врачом, инженером и вообще кем-либо из предлагаемого бабушкой списка профессий. Но однажды после просмотра очередного выпуска «Клуба кинопутешествий», мальчик неожиданно заявил, что хочет стать таким же путешественником, как Юрий Сенкевич, и объехать весь земной шар. Бабушка тут же воспользовалась моментом.

– А ты знаешь, что Сенкевич по образованию врач?

– Врач? – разочарованно переспросил Егор, и детский кумир моментально упал со своего пьедестала. – А я думал он настоящий путешественник.

– Он хирург, как твоя мама.

Дальше бабушка стала весьма аргументировано убеждать внука в том, что профессия врача, а особенно хирурга, это кратчайший и вернейший путь, ведущий в самые увлекательные и таинственные экспедиции. Через час Егор покорно согласно головой и сказал, что после школы обязательно будет поступать в медицинский институт.

– Вот и молодец! Профессия врача самая гуманная и уважаемая на свете. Может быть, ты станешь таким же знаменитым хирургом, как Николай Пирогов, или...

Бабушка не успела договорить, как комнату заполнил ехидно-дразнящий хохот Оли.

– Ой, не могу! Знаменитый хирург Егор Пирогов!

Мальчик, не вступая в дискуссию, молча запустил в смеющуюся сестру тапочкой.

– Пирогов! Пирогов! – продолжала дразниться Оля, выбегая из комнаты.

– Соня Ковалевская! – обиженно выкрикнул Егор, и бросил ей вслед вторую тапочку.

– Дети, немедленно прекратите это безобразие! – впервые повысила голос обычно мягкая и ласковая бабушка.

Так у одиннадцатилетнего Егора появились профессиональная установка и домашнее прозвище Пирогов. Приехавший через несколько месяцев в отпуск отец был так обрадован выбором сына, что даже произнес за ужином небольшой экспромт на тему: «хирург – профессия настоящих мужчин».

– Единственным исключением была твоя мать, и я думаю, что ты будешь достоин ее имени! – Анатолий Коваленко окончил свою речь и расцеловал сына в обе щеки.

Егору захотелось заплакать. Он понял, что будущее его предрешено, и отступать ему теперь некуда. Следующий учебный год мальчик встретил в школе с углубленным изучением химии и биологии. Сначала на новом месте Егору не нравилось абсолютно все: от ботаников-одноклассников до невкусных школьных обедов. Особенно его угнетали утренние поездки на метро с двумя пересадками и необъятные домашние задания, не оставлявшие свободного времени даже в выходные. Но социум диктовал свои законы, и постепенно Егор втянулся в новый график. Если он и не научился получать удовольствие от преодоления трудностей, то, по крайней мере, научился не ныть и не пасовать.

– Терпи Пирогов – знаменитым хирургом станешь, – подтрунивала Оля над братом, до полуночи просиживавшим над учебниками.

– Я-то стану. А вот ты, Ковалевская, чем собираешься прославиться? Нынче женщин-профессоров пруд пруди.

– А я стану женщиной-академиком, – самоуверенно отвечала Оля.

– Ну-ну.

Однако, не смотря на прилагаемые усилия, Егор не блистал никакими достижениями ни в химии, ни в биологии, ни в каком-либо другом предмете. Его не посылали на олимпиады, правда, и не бранили за неуспеваемость, он всегда и везде был неприметным середнячком. При поступлении в институт он оказался в самом конце списка зачисленных абитуриентов. В институте Егор учился так же тяжело и неприметно, как в школе. В его зачетке не было «отл.» только «хоры.», часто перемежаемые «удами». В итоге, получив диплом, мечтавший о солидном институте типа «Склифа» или Вишневского Егор остался в той самой малопочтенной городской больнице, где проходил последипломную интернатуру. Эта огромная, похожая на многопалубный океанский лайнер клиника изнутри напоминала печально знаменитую Обуховскую больницу, в которую когда-то свезли легендарного Левшу, и «куда всех умирать принимали».

Восьмое хирургическое отделение, в котором работал Егор, занималась как плановыми больными, так и пациентами, поступившими по «Скорой помощи». На первых порах молодой специалист ассистировал дежурным хирургам и занимался пациентами «Скорой», не требующими срочного оперативного вмешательства. Большая часть этих больных состояла из деградировавших и спившихся люмпенов, лишившихся работы еще в начале девяностых, и с тех пор, так и не нашедших место в новой жизни, зато заработавших панкреатит, язву или синдром Маллори-Вейсса. Это был крайне тяжелый и неблагодарный контингент, и отношение к таким пациентам было соответствующе пофигическое: повезет – выживет, а помрет – так помрет, никто о нем сожалеть не будет. Егор, еще не зараженный профессиональным медицинским

цинизмом, несмотря на сочувственные усмешки своих коллег, старался помочь каждому бедолаге. И у него это удивительным образом получалось. У Егора Коваленко оживали и вставали на ноги даже такие пациенты, которые у других врачей обычно в течение суток переезжали из больничной палаты в морг. Работа со спившимися работягами, приносила Егору какое-то странное моральное удовлетворение, но никакой материальной благодарности он от нее не получал. Через год такого грязного и бесперспективного труда, когда молодой хирург стал всерьез задумываться о переходе в какую-нибудь тихую районную поликлинику, где, конечно, карьеры не сделаешь, но какую-никакую побочную копейку иметь будешь, заведующий отделением, после утренней пятиминутки пригласил Коваленко к себе в кабинет.

– Молодой человек, я уже давно присматриваюсь к вам и в целом удовлетворен результатами вашей работы. Я думаю, что вам пора заняться более серьезным делом, чем исцеление человеческого балласта. Со следующей недели вы будете заниматься плановыми операциями. Несколько месяцев побудете ассистентом, а потом отправитесь в самостоятельное плавание.

Восьмая хирургия специализировалась на вентральных грыжах. Эта болезнь редко встречается у банковских клерков, бухгалтеров или менеджеров. Они могут заработать ее, только перекачавшись в спортзале, и вряд ли эта болячка сумеет надолго оторвать их от рабочего стола и компьютера. Вентральная грыжа – это удел пролетария, переоценившего свои физические возможности. Для любого трудяги она чревата длительной профессиональной дисквалификацией, а чаще всего потерей рабочего места и заработка. Поэтому каждый грузчик, штукатур или сантехник, получивший в награду за свой нелегкий труд подобную хворь, стремится, как можно быстрее от нее избавиться. Хирург в районной поликлинике выписывает такому временно нетрудоспособному работнику направление в ближайшую городскую больницу, и тот идет на прием к заведующему отделением.

– Все ясно, – говорит заведующим, изучив анамнез. – Ничего сложного нет, но придется подождать. Операция плановая, на нее у нас очередь.

– И долго ждать?

– Месяцев пять-шесть, не меньше. Вы знаете, какая у нас очередь? На дворе февраль, а мы уже составили план операций на июль, – спокойно отвечает врач.

– И что же мне делать? Меня за это время пять раз уволят, – растерянно вопрошает работяга, – а у меня семья, кредиты...

– Пусть начальство временно переведет вас на работу не связанную с физическими нагрузками.

– Это где же для меня такую работу найдут?

– Тогда обратитесь в платную клинику, там очередей нет.

– А у вас нельзя как-нибудь ускорить очередь?

– Сложный вопрос, – заведующий отделением отрывает глаза от бумаг и смотрит куда-то в потолок. – Попробуйте поговорить с нашими хирургами, например, с ..., – врач называет фамилию, – может быть, он сумеет найти время на внеплановую операцию.

Указанный хирург внимательно выслушивает потенциального пациента и согласно кивает головой:

– Семь тысяч.

– Рублей? – испуганно спрашивает измученный работяга.

– Конечно.

– Вы понимаете, я сейчас на больничном, денег у меня нету...

После непродолжительного торга цена опускается до шести, а то и до пяти тысяч, но ниже уже нельзя. Кроме оперирующего хирурга есть еще анестезиолог, операционная медсестра, и, в конце концов, заведующим.

Больной раздосадован, а может, даже взбешен, но поделаться ничего не может. Он лезет в отложенную на черный день заначку, или занимает деньги у друзей и соседей, и на следую-

щей следующий день с утра вновь появляется в хирургическом отделении. А после операции, благополучно избавившись от своей болячки, но, все еще жалея о потраченных деньгах, он навсегда вносит врачей в свой личный, пополняющийся с каждым годом черный список вымогателей.

Вот так и работала восьмая хирургия. Впрочем, эта известная еще с советских времен схема до сих пор успешно действует во всех бесплатных российских стационарах.

Сначала Егор смущался и даже краснел, объявляя больному требуемую сумму. Ему казалось, что стоящий перед ним угрюмый и на вид вполне здоровый мужик сейчас поднимет шум и даже попытается набить ему морду, но ничего подобного не происходило. Больной неумело и косноязычно торговался, сетуя на невыплаченную зарплату и просроченные кредиты, а через день покорно приносил оговоренные шесть или семь сложенных вдвое тысячных купюр, из которых оперирующему хирургу предназначалась ровно половина. Первое время Егор старался как можно быстрее избавиться от этих грязных денег, в чем ему успешно помогала его операционная сестра Таня, однако, вскоре понял, что лишние десять-двенадцать тысяч в неделю это реальная возможность купить в ближайшем будущем неплохую машину, а в более отдаленной перспективе и собственную квартиру. Егор продолжал жить вдвоем с бабушкой в ее однокомнатной квартире, а Ольга сразу после окончания университета переехала жить к своему будущему мужу. В силу своего характера и воспитания он так и не сумел стать тем холодным и циничным профессионалом, который не придает никакого значения просьбам и жалобам своих больных и спокойно игнорирует во время ночного дежурства нового пациента, только что поступившего по неотложке. Но он больше не смущался и не краснел, научился жестко торговаться с плановыми пациентами и даже перестал запирает дверь ординаторской, принимая от них деньги. Через полтора года Егор сменил свою старую шестерку на новенький VW Passat, а еще через год у него умерла бабушка, и операционная сестра Таня переехала жить к Егору. Проблема приобретения новой квартиры на некоторое время потеряла свою актуальность.

3

Унылая и малопривлекательная жизнь Егора Коваленко неожиданно изменилась после встречи бывших выпускников кафедры оперативной хирургии. Встреча проходила в довольно популярном и дорогом рыбном ресторане. Пафосная атмосфера заведения сама подталкивала посетителей к снобизму и самолюбанию, и уже после второго тоста почти все молодые хирурги, почувствовав себя светилами медицинской науки, стали наперебой доказывать друг другу собственную значимость и востребованность. Оказалось, что кто-то уже успел защитить кандидатскую диссертацию в институте Пирогова, а кто-то прошел ординатуру в Берлинском госпитале святого Климента. Один оперировал мениск у известного хоккеиста, а другой в качестве штатного хирурга ездил с нашей сборной на последнюю Олимпиаду. Некоторые бросили профессию. Гордость факультета, отличница и красавица устроилась менеджером в крупную нефтяную компанию и за три года заработала в Сибири столько денег, сколько не заработать ни в какой клинике Москвы и за десять лет. А «хвостатый» аутсайдер, едва перебивавшийся с курса на курс, очень успешно открыл собственную аптечную сеть. Многие, без сомнения, привирали, но Егору хвастаться было вовсе нечем, поэтому он молча пил запотелую водку «Белуга» и закусывал ее заливной осетриной. Когда разговор зашел об отдыхе, и за столом зазвучали рассказы о серфинге в Бискайском заливе, горных лыжах в Швейцарских Альпах и рафтинге на Бали, то непосвященный человек мог бы подумать, что ресторан арендовали не молодые врачи, а туристические менеджеры. Егор с детства грезивший путешествиями, но не летавший никуда дальше Турции, уже собрался тихо и незаметно покинуть эту самовлюбленную ярмарку тщеславия, когда его перехватил возле курительной комнаты Леша Новоселов, однокурсник из параллельной группы. В институте они были знакомы шапочно и лишь кивали друг другу головой при встрече.

– Привет, Егор! А ты, правда, работаешь в обычной городской больнице? – без всяких лирических предисловий, деловито осведомился Новоселов.

– Ну, допустим, – лаконично-уклончиво ответил Коваленко.

– Оперировать?

– Режу потихоньку.

– Надеешься, лет через двадцать безупречной службы дорасти до заведующего отделением?

– Не надеюсь.

– И что наше государство нынче платит таким беззаветным труженикам скальпеля?

Егор хотел проигнорировать этот бестактный и хамоватый вопрос, но не сумел выдержать паузу и отрешенно холодно произнес:

– Двадцать пять грязными плюс квартальная премия, если на столе никто не загнется.

– По тебе не скажешь, – усмехнулся Новоселов, бесцеремонно потрепав бывшего однокурсника за рукав пиджака. – Не жалко за новый прикид месячную зарплату отдавать?

Егор, действительно, не производил впечатления бедного родственника и был одет ничуть не хуже других. Готовясь к этой помпезной встрече, он специально купил новые костюм, рубашку, галстук и ботинки.

– У меня есть дополнительные подработки.

– Отжимаешь пятерки у больных пролетариев? – не унимался Новоселов.

– Слушай, Леша, не напрягай меня. У тебя своя жизнь, у меня своя жизнь, – Коваленко уже еле сдерживал себя, чувствуя, как закипает разогретая алкоголем кровь. – Что ты от меня хочешь?

– Да ты не волнуйся, Егор, я не в финансовом мониторинге работаю. Меня твои подработки не интересуют, – миролюбиво улыбнулся Новоселов. – Я сам два года в муници-

пальном стационаре отрубил и весь наш черный минздравовский прайс-лист, как энциклопедию, от Аппендицита до Язвы наизусть знаю. Обычный тест на стрессоустойчивость. На таких вопросах многие начинают пальцы гнуть и в бубен бить. После муниципального гадюшника из большинства врачей хамство так и прет. И это уже неизлечимо. Такие ребята для приличной работы больше не пригодны. А ты ничего – устойчивый!

– Тест на стрессоустойчивость, – ухмыльнулся Коваленко. – Ты что, Леша, хочешь меня в разведку завербовать?

– Зачем в разведку? У меня есть более интересное предложение. Хочешь попробовать себя в пластической хирургии? Работа чистая, деньги честные, пациенты – сплошной гламур. Только нервы нужны крепкие. У нас не горбольница, а очень солидная клиника – хамить пациентам ни при каких условиях нельзя. Они нам могут хоть в рожу плевать, а мы должны молчать и улыбаться. Сейчас клиника расширяется, и нам нужен еще один хирург.

Егор, не ожидавший такого поворота, заметно стусевался:

– Да какой из меня пластический хирург, я все больше по грыжам да аппендициту.

– Так, тебя никто сразу и не поставит на интимную пластику или армирование кожи. Нам нужен еще один врач на инъекционный фэйс-лифтинг. Сейчас ботокс или рестилайн любой грамотный третьекурсник сумеет вколоть, но наш главврач не хочет брать людей с улицы. А все знакомые, как видишь, – Новоселов кивнул головой в сторону невнятно гудящего ресторанного зала, – уже при деле. Тебе пора подниматься, и это хорошая возможность. Ты оперирующий хирург с почти семилетним стажем, и я за тебя поручусь.

– А сколько у вас платят?

Новоселов назвал сумму в два раза превышавшую общий заработок Коваленко в самые «урожайные» месяцы. Егор буквально кожей почувствовал дунувший ему в спину попутный ветер удачи:

– Я согласен.

– Тогда пойдем, обмоем это дело.

Они вышли из ресторана через три часа и, как проверенные временем закадычные друзья, подражая рок-героям известного клипа, пошли в обнимку по ночному осеннему бульвару, разбрасывая ногами разноцветные пожухлые листья.

Осень – в небе жгут корабли!

Осень – мне бы прочь от земли!

Через три недели, выйдя на работу в клинику пластической хирургии «Зодиак – XXI», Егор Коваленко впервые ощутил себя человеком нового тысячелетия. Клиника, уютно расположившаяся в глубине старого московского парка, по своему техническому оснащению и уровню обслуживания являла собой образец идеального медицинского стационара. В ее коридорах в отличие от горбольницы по утрам пахло не хозяйственным мылом и дешевым стиральным порошком, а живыми цветами и дорогим парфюмом, кукольно-вежливые медсестры с неизменными улыбками обращались ко всем пациентам по имени-отчеству, а не менее вежливые обитатели одноместных люксовых палат буквально лучились успехом и благополучием. Все это поднимало статус Егора в его собственных глазах на недостижимую ранее высоту. Первое время он под руководством Леша Новоселова учился правильно определять точки введения и количество инъекций ботокса, рестилайна и ювидерма, а через месяц, успешно сдав внутренний экзамен, был допущен к самостоятельной практике. У него появился собственный кабинет с тешашей самолюбие и радующей глаз табличкой:

Инъекционная контурная пластика лица.

Врач высшей категории

Коваленко Егор Анатольевич.

Основными клиентами Егора были приближающиеся к полтиннику и упорно не желающие расставаться с молодостью представительницы среднего класса. Эти преданные поклон-

ницы «Дискотеки 80-х», несмотря на свое солидное положение и возраст, в глубине души навсегда остались теми юными беззаботными студентками, которые когда-то лихо отплясывали на институтских вечерах под заводные ритмы «Арабесок» и «Оттавана». Теперь, сделав карьеру или просто удачно выйдя замуж, они не жалели ни денег ни времени на борьбу с «гусиными лапками» и «морщинами гнева» и смело накачивали себя ботоксом и гиалуроновой кислотой. Егор, совсем недавно перешагнувший тридцатилетний рубеж, не переставал удивляться, зачем этим дамам уже предпенсионного возраста так нужны обездвиженные кукольные лица и по-рыбьи выпяченные губы. А женщины, получив необходимые инъекции, искренно благодарили его и беззаботно упархивали в другие кабинеты: на липосакцию, подтяжку груди и армирование тела «золотыми» нитями. А через полгода, когда действие препаратов заканчивалось, и на лицах снова проявлялись морщины, они, словно подсевшие на иглу наркоманы, снова возвращались в кабинет контурной пластики за новыми дозами перлайна или диспорта.

Помимо женщин у Егора были и немногочисленные клиенты-мужчины. В основном это были выходящие в тираж танцоры кордебалета, профессиональные стриптизеры и малоизвестные исполнители оригинального жанра, нередко имевшие нетрадиционную сексуальную ориентацию. Но иногда на прием приходили и немногословные авторитетные предприниматели первой волны с глубокими морщинами и усталыми глазами, под которыми висели тяжелые мешки – следы неумеренных возлияний, хронических болезней и затяжного нервного стресса. Они не хотели избавляться от своих честно заработанных суровых морщин, – они хотели избавиться только от нездоровых малопривлекательных мешков, и при этом как можно незаметнее. Чтобы никто из их друзей, а тем более подчиненных и подумать не смог, что настоящий мужчина, реальный self made man, опустился до визита к пластическому хирургу.

– Оставьте мне мои морщины, а вот мешки уберите, и так, чтобы это было как-то незаметно. Слово я неделю прокантовался в какой-то грязелечебнице, и все рассосалось само собой.

По-хорошему, большинству таких визитеров действительно следовало бы съездить на пару месяцев в какой-нибудь хороший санаторий на Минеральных Водах или в Баден-Бадене, досконально проверить свои печень и почки, сесть на диету и кардинально изменить свой образ жизни. Однако Егор ничего подобного им не советовал, резонно полагая, что подобные рекомендации они слышали не раз.

– Извините, но вы записались не к тому специалисту. Инъекционный фэйс-лифтинг занимается только борьбой с мимическими морщинами, – вежливо и спокойно просвещал своего несостоявшегося пациента Егор.

– А что, мешки нельзя убрать как морщины – одним уколом?

– К сожалению, нет. Удалением мешков занимается блефаропластика.

– И что это за такая пластика?

– Довольно сложная хирургическая процедура, имеющая целый ряд противопоказаний.

Сначала выясняется первопричина возникновения мешков, – заученно-монотонно отвечал Егор. – Это может быть подкожная грыжа или...

Как правило, услышав об имеющей противопоказания сложной хирургической процедуре, авторитетный бизнесмен, заработавший за свою нелегкую жизнь устойчивую аллергию к операционному столу, разочарованно-тихо цедил сквозь зубы: «Все ясно, вам бы только скальпелем помахать...», и, словно призрак, навсегда исчезал из клиники пластической хирургии.

Новая работа приносила Егору не только моральное, но и весьма ощутимое материальное удовлетворение, и он снова задумался о новой квартире. Теперь, имея довольно весомую белую зарплату, Коваленко мог без проблем получить ипотечный кредит. Продолжавшая жить с ним в гражданском браке Татьяна пришла от этой идеи в восторг:

– Мы можем продать эту квартиру и взамен купить новую трешку!

– Я думаю, нам вполне хватит хорошей двухкомнатной квартиры, они сейчас тоже не маленькие, – разумно возразил Егор, не желавший влезать в крупные долги.

– Зачем покупать двушку, если можно купить трешку? – продолжила гнуть свою линию Татьяна. – Ты о нашем будущем ребенке думаешь? Мне уже почти тридцать два – давно пора рожать. В одной комнате у нас будет детская, в другой спальня, а в третьей гостиная.

– Я прекрасно прожить бы мог и без гостиной, – насмешливо спародировал Егор крылатую фразу секретаря Теодоро.

– А я не могу, – не оценила юмора Татьяна, никогда не видевшая «Собаку на сене». – Где мы будем принимать гостей?

– А к нам ходят гости? – удивленно выгнул брови Егор.

– Потому и не ходят, что некуда приглашать. Тут тебе и спальня, тут тебе и кабинет, тут и гостиная. Три в одном! – Татьяна широким жестом обвела комнату, плотно заставленную разномастной мебелью. – А куда наш ребенок будет приглашать своих друзей? Где он будет отмечать свои дни рождения?

– Хорошо, я подумаю, – сдался не выдержавший такого энергичного натиска Коваленко.

Через полгода он продал старую однушку, внес вырученные от продажи деньги в качестве первоначального взноса в ипотеку, и купил просторную трехкомнатную квартиру на северо-западе Москвы. Откладывавшиеся еще со времен работы в больнице деньги были потрачены на шумную и помпезную свадьбу, ремонт, новую мебель и мечту Татьяны – терракотовый «Ниссан Кашкай». А над Егором повис растянутый на десять лет многомиллионный ипотечный долг. Первое время ему было чертовски жалко ежемесячно отдавать большую часть своей немаленькой зарплаты банку, но постепенно он свыкся с этим обременением и даже стал подумывать о небольшом, по меркам висевшего на нем долга, автокредите. Егор давно мечтал сменить свой «Фольксваген-Пассат» на новую «бэху» пятой серии и уже морально созрел до нового займа, как вся его благополучная жизнь неожиданно полетела под откос, словно подорванный террористами, мирно спящий ночной экспресс.

4

Роль террориста, а точнее террористки, сыграла известная светская тусовщица и постоянный персонаж светской хроники Магда Делонэ. Магда появилась в столичной тусовке непонятно откуда, но сразу же привлекла всеобщее внимание показной вульгарностью, роскошным бюстом шестого размера и своеобразной манерой представляться с претенциозным французским акцентом, делая особый упор на аристократическую частицу де:

– Магда-Алена де Лоне.

За эту особенность она получила клубное прозвище Магдалена.

Про себя Магда на голубом глазу рассказывала, что она правнучка дворян-эмигрантов еще первой революционной волны и внебрачная дочь знаменитейшего французского киноактера, из чистого любопытства приехавшая познакомиться со своей исторической родиной. Это знакомство ограничилось десятком модных столичных клубов и дорогих ресторанов, откуда под утро нетрезвую француженку обычно увозил к себе домой какой-нибудь богатый любитель необъятных женских прелестей. В столичной тусовке в аристократично-французское происхождение Магды никто не верил, и она считалась очередным провинциальным фриком до тех пор, пока ее совершенно неожиданно не взял на содержание экстравагантный владелец сети игровых залов и казино Вадим Линкевич. А незадолго до этого знакомства Магда впервые появилась в «Зодиаке-XXI». Появилась в своем фирменном стиле «вени, веди, вичи», без всякого предварительного звонка или записи.

– Запишите меня к самому лучшему специалисту по женской груди, – глядя куда-то в сторону от работавшей на ресепшене молодой медсестры-регистратора, высокомерно произнесла Магда.

– Вам нужен пластический хирург или маммолог? – вежливо улыбнулась медсестра, сразу узнавшая загадочную француженку, часто мелькавшую в скандальных светских хрониках.

– Конечно хирург, на хрена мне маммолог?

– Очень хорошо. Продиктуйте, пожалуйста, ваши паспортные данные.

– Это еще зачем? – насторожилась посетительница.

– Я должна завести на вас учетную медицинскую карточку, – продолжала улыбаться медсестра. – Не беспокойтесь, вся занесенная в нее информация является врачебной тайной.

– Я и не беспокоюсь, – Магда, изрядно покопавшись в сумочке, достала паспорт, но тут у нее зазвонил телефон, и она небрежно бросила на стойку тоненькую книжечку в бордовой обложке с золотым тиснением. – Запишите все сами.

Паспорт был российский, абсолютно новый и практически чистый. Согласно ему внебрачная дочь французского киноактера родилась двадцать пять лет назад в Москве, шесть месяцев назад зарегистрировалась на улице Крылатские Холмы, а вот сам паспорт Магда Аленовна Делонэ получила всего лишь всего лишь год назад в отделении ОУФМС города Добрянска Тамбовской области. А под обложкой этого удивительного документа вызывающе белел сложенный вчетверо листок гербовой бумаги. Убедившись, что эпатажная посетительница, отключившись от реальности, увлеченно обсуждает подробности минувшего вечера, сторающая от любопытства молодая регистраторша аккуратно достала листок и, развернув его, рефлексивно зажала рот ладошкой. Листок оказался «Справкой о внесении изменений в паспортные данные».

– Долго мне еще ждать? – захлопнув через четверть часа телефон, раздраженно поинтересовалась Магда Делонэ.

– Все готово, – продолжая прикрывать ладошкой рот, ответила любопытная медсестра и торопливо выложила на стойку пластиковую карточку с логотипом клиники и ярко-бордовый паспорт. – Третий этаж, кабинет триста семь, врач Новоселов Алексей Николаевич.

Магда молча забрала документы и, надменно кивнув головой, направилась к лифту. Когда серые телескопические дверцы мягко захлопнулись за ее спиной, регистраторша, наконец, отняла ладонь ото рта и, не в силах больше сдерживать распиравший ее хохот, навалилась грудью на стол.

– Ты чего, Ленка, с ума сошла? Ржешь на рабочем месте как лошадь? – испуганно спросила ее, проходившая мимо пожилая кастелянша.

– Да я сейчас, Тамара Пална, вообще уписаюсь! – продолжала давиться смехом регистраторша. – Вы знаете, как на самом деле зовут Магду Аленовну Делонэ? Мария Ивановна Коровкина! А знаете, откуда она приехала в Москву? Думаете из Парижа? Из села Размахеево Добрянского района Тамбовской области!

– Ты-то откуда все это знаешь? – недоверчиво спросила кастелянша.

– А я только что карточку на нее заводила и своими глазами видела справку об изменении паспортных данных.

– Да ты что?!

Через пять минут по всем коридорам и кабинетам «Зодиака», подобно мягкой морской волне, поползли приглушенные разговоры и тихий смех.

– Вы слышали?

– Это ж надо!

– Маша Коровкина из Размахеева!

– А понтов-то, понтов!

– Здрасьте, Мариванна!

А в это время ничего не подозревающая героиня этого тихого утреннего переполоха, раздевшись по пояс, стояла перед доктором Новоселовом и обеими руками поддерживала свою добротную сельскую грудь.

– И что вы посоветуете мне с этим делать?

– А что вам не нравится? – наивно удивился Леша Новоселов, пораженный этим природным чудом шестого размера. – Вам доставляет неудобства такой большой размер? Вы хотите уменьшить? Не советую, миллионы женщин могут только мечтать о такой соблазнительной груди!

– Да она только в бюстгальтере соблазнительная! Смотрите! – экспрессивно ответила ему светская содержанка и опустила руки по швам. Лишившиеся поддержки роскошные груди упали едва ли не до пупка и стали похожи на две огромные вытянутые грелки, смотрящие в пол крупными коричневыми сосками. – Это так же соблазнительно, как член импотента! Женская грудь должна стоять! Вот так!

Магда снова подобрала груди ладонями и угрожающе выставила их в сторону доктора. Новоселов поперхнулся сдавленным смешком.

– Все понял. Не забивайте себе голову, это проблема решаемая. Обычно в таком случае делается подтяжка груди, но в вашем случае обойтись одной подтяжкой не удастся. Придется устанавливать поддерживающие импланты. Это будет стоить недешево и увеличит вашу грудь еще на полразмера.

– Так это вам же клево! – просияла псевдофранцуженка. – И при этом грудь будет стоять?

– Разумеется.

– Доктор, вы реально волшебник!

Магда чмокнула Новоселова в щеку и стала упаковывать свою необъятную грудь в такой же необъятный бюстгальтер, черные чашки которого были похожи на две тубетейки, густо расшитые золотыми нитями.

Когда через полчаса, получив направление на анализы, Магда Делонэ с гордо поднятой головой проходила по коридорам клиники, за ее спиной легким морским бризом летел тихий шепот:

– Мариванна... Маша Коровкина из Размахаяева...

А в конце рабочего дня главный врач собрал весь свободный от дежурства персонал в вестибюле пятого, административного этажа и произнес короткую суровую речь:

– Я уже знаю, какой крайне скандальный слух циркулирует с утра по нашей клинике. Напоминаю: мы не имеем никакого права вмешиваться в личную жизнь наших пациентов, а тем более распускать позорящие их имя сплетни. Всякий, кто вынесет за пределы нашего учреждения сегодняшнюю нелепую историю, будет немедленно уволен и вряд ли найдет себе новое место в какой-либо другой клинике. И советую запомнить еще одно: наши пациенты – люди далеко не простые, и у них вполне хватит сил и средств, привлечь любого из вас за клевету.

Персонал «Зодиака» сделал правильные выводы из этой короткой речи: история о настоящем имени Магды Делонэ не вышла за пределы лечебного учреждения. Но с тех пор в разговорах между собой и врачи, и медсестры, а иногда и сам главврач Магду иначе как Машей Коровкиной не называли.

Подняв на должный уровень свою грудь, Магда заглянула и в другие кабинеты. А через полгода она снова появилась у Новоселова:

– Я хочу увеличить грудь еще на полразмера.

– Вы уверены, что вам это нужно?

– Без вопросов! Вы даже не представляете, как изменилась моя жизнь после операции! А сколько еще дверей мне придется открывать своей грудью?

С тех пор Магда стала каждые полгода посещать кабинет Алексея Новоселова, с беззаботным смехом уверяя, что перестанет приходить к нему только тогда, когда ее постоянно растущее сокровище занесут в книгу рекордов Гиннеса. Между тем внешность Магды все больше и больше соответствовала ее настоящей фамилии. Крепкие рельефные ягодицы, расширенные блефаропластикой глаза с невероятно длинными ресницами, лопающиеся от рестилайна губы и фантастическая грудь, размером напоминающая вымя племенной молочной коровы, придавали Магде удивительное сходство с какой-то шаловливой мультяшной буренкой. Это восхождение к рекордам неожиданно прервалось на штурме восьмого размера, попутно обрушив карьеру и профессиональную репутацию Егора Коваленко.

За неделю до Нового года Егору выпало ночное дежурство в стационаре пластической хирургии. Была пятница, и почти все палаты пустовали. Единственным новым пациентом была Магда Делонэ, неожиданно решившая сделать новогодний подарок себе и своему новому покровителю Вадиму Линкевичу. Накануне она прошла через очередную операцию по замене имплантов и теперь должна была находиться три дня под наблюдением врачей. Егор смотрел в ординаторской телевизор, когда в около десяти вечера в дверь без стука вбежала взволнованная медсестра.

– У нас ЧП! Коровкина уходит собралась!

– Куда?

– В клуб, на день рождения подруги!

– Ни фиги себе! – Егор, не раздумывая, выскочил из кресла и пулей полетел по больничному коридору.

Магда Делонэ в покоем на уродливый топик компрессионном бюстгальтере и прозрачных телесного цвета стрингах стояла посреди разбросанной по полу одежды и удрученно рассматривала себя в зеркале стенного шкафа. Напротив нее на диване, закинув ногу на ногу так, что мини-юбка задралась едва ли не до поясницы, вызывающе курила какая-то неизвестная блондинка. В дверях палаты смущенно переминался с ноги на ногу дежурный охранник.

– Почему в палате посторонние? – придавая голосу неестественную строгость, громко спросил Егор.

– Она, – секьюрити указал на неизвестную блондинку, – позвонила на вахту, сказала, что ее просили срочно привезти какие-то вещи. Я открыл, а она сразу как рванула. Ну, не буду же я к женщине силу применять.

– Чего ты гонишь, козел? Ты за сам за пятихатку мне сумку прямо до палаты донес, – блондинка презрительно стряхнула пепел в сторону охранника.

– Это правда?

Взрослый здоровый мужчина, словно провинившийся школьник, стыдливо потупил глаза:

– Я же не знал, зачем она сюда идет. Я думал, она только вещи передаст.

– Возвращайтесь на вахту. А вас, – обратился Егор к непрошенной ночной гостье, – я попрошу немедленно покинуть территорию клиники.

Та, не обращая ни малейшего внимания на слова Егора, продолжила прерванный разговор с Магдой. – А ты точно не можешь снять эту херню?

– Точно, – Магда удрученно провела рукой по многорядным крючкам-застежкам и рельефным ребрам жесткости компрессионного бюстгальтера. – Мне в этой херне по-хорошему еще две недели париться. Как-то я в этот раз лоханулась с операцией. Теперь на Новый год ничего открытого и обтягивающего не наденешь.

– Попробуй еще раз тунику «примадонна», – блондинка подняла с пола бесформенный кусок ярко-малиновой материи, прошитый блестящими серебряными нитями.

Кусок материи оказался мешкообразным балахоном, наглухо закрывающим грудь и плечи, с рукавами «летучая мышь» и бахромистым подолом, косо подрезанным от левого бедра к правому колену.

Магда, одергивая балахон в разные стороны, придирчиво осмотрела себя в зеркале и презрительно скривила губы:

– Маша, с сельской дискотеки.

«Так оно и есть», – про себя отметил Егор, а вслух вежливо поинтересовался:

– Магда Аленовна, вы куда-то собрались?

– Сегодня у моей подруги день рождения, – спокойно ответила Магда, примеряя красные лаковые туфли с серебряными пряжками. – Мне нужно до утра отъехать в клуб.

– Вам не нужно ехать в клуб, вам нужно надеть пижаму и лечь в постель.

– Еще чего. Как вы думаете, эти туфли подходят к этому платью?

– Магда Аленовна, вам нужны проблемы со здоровьем? Вы хотите, чтобы у вас разошлись швы? После операции вам прописаны трое суток постельного режима.

– Да я что в первый раз замужем? Я уже четыре операции сделала! Смотрите, какая у меня сейчас броня, – Магда оголила плечо и обеими руками с трудом оттянула на полпальца тугую лямку компрессионного бюстгальтера. – Шили в Германии по спецзаказу. В этом панцире уже на второй день трахаться можно.

– Я вас никуда из клиники не выпущу! – Егор, широко расставив ноги, загородил собой дверной проем и, достав телефон, стал набирать номер главного врача. – Вы что, не понимаете, чем рискуете?!

Магда, игнорируя слова Коваленко, достала из сумочки косметичку и, как ни в чем ни бывало, занялась своим макияжем.

Егор, не отходя от двери, методично нажимал на мобильнике клавишу вызова. Все было напрасно: и домашний, и сотовый телефоны главврача отзывались только бесконечно длинными гудками.

Магда между тем закончила приводить в порядок свое лицо и вплотную подошла к Егору. Следом за ней подтянулась и неизвестная блондинка.

– Пропустите нас!

– И не подумаю.

– Будете применять силу?

– Нет. Я вас обоих сейчас просто запру в этой палате.

Магда самоуверенно и нагло рассмеялась.

– В палатах нет замков. И вы не посмеете меня даже пальцем тронуть. Но если вы уж так беспокоитесь за свою жопу, уважаемый доктор, то я могу дать вам подписку.

– Что, что? – не понял Егор.

– Подписку, или как там у вас это называется, когда больной увольняется от врачей по собственному желанию.

– Это называется: уйти под расписку.

– Во, во. Под расписку.

Пока медсестра бегала на пост за бумагой, Егор судорожно придумывал текст расписки. В городской больнице едва ли не каждый день кто-нибудь добровольно отказывался от неприятных услуг муниципальной медицины, но этими вопросами всегда занимался заведующий отделением. Егор понятия не имел, что положено писать в таких случаях и теперь ему приходилось импровизировать.

Магда взяла бумагу, достала из сумочки изящную женскую ручку с тонким золотым пером и подкатила к дивану стеклянный журнальный столик. Егор, опасаясь какой-нибудь неожиданной выходки с ее стороны, остался стоять в дверях.

– Диктуйте!

– Пишите. Дежурному врачу Коваленко Егору Анатольевичу. Дальше с новой строки. Я, Магда Аленовна Делонэ, добровольно отказываюсь от дальнейшего лечения в хирургическом стационаре клиники «Зодиак-XXI». Я предупреждена о возможных негативных, вплоть до летального исхода, последствиях своего поступка. Время, дата, подпись.

Магда посмотрела на часы, последний раз взмахнула пером, сложила бумагу вчетверо и, покопавшись в своей сумочке, извлекла новенькую банкноту в двести евро. Держа в одной руке расписку, а в другой деньги она снова вплотную подошла к Егору и привстала на цыпочки:

– Не волнуйся, доктор, я ухожу не навсегда. К шести утра я вернусь. Жди меня.

Коваленко не успел ничего ответить, как у него во рту оказался возбуждающе-упругий язычок Магды. Он пришел в себя только, когда на лестнице затих гулкий стук женских каблучков. В одной руке у Егора была расписка, в другой желтовато-оливковая банкнота. Машинально положив деньги в карман, Коваленко развернул расписку и, разъяренно прошептав: «Полный пинцет!», ударил по дверному косяку с такой силой, что подпрыгнули цветочные горшки в стоявшем рядом кашпо. На белом листе бумаги вместо слов и букв чернели несколько рядов аккуратных крестиков-ноликов, заканчивавшихся вместо подписи размашистым: «Au revoir!» Медсестра, листавшая на посту какой-то журнал, испуганно вздрогнула и вопросительно посмотрела на своего начальника.

– Все в порядке, – кивнул ей Егор и, испытывая неожиданно подкатившую к горлу тошноту, расхлябанно-нервной походкой удалился в сторону ординаторской.

Там он налил полстакана заранее разбавленного спирта и в три глотка проглотил его, не запивая и не закусывая. Спирт не помог. Тошноту усугубило чувство немотивированного страха, какой-то невидимой угрозы, надвигающейся с неотвратимостью тропического шторма.

5

Дурные предчувствия не обманули Егора. Шов на левой ареоле Магды разошелся посреди ночи, когда та, закинувшись двумя маленькими голубоватыми таблетками с эмблемой «Тойоты», уже четвертый час без перерыва зажигала на клубном танцполе. Сначала Магде показалось, что она просто неожиданно вспотела, и только когда до ее плывущего в эйфории сознания достучалась мелкая колющая боль в левой груди, неутомимая «зажигалка» остановилась и просунула руку за отворот туники. Ее ладонь сразу же стала мокрой и липкой, а под плотной тканью компрессионного бюстгальтера, чуть ниже левого соска Магда с ужасом нащупала неумолимо растущий упругий комок. Очумевшая от алкоголя, амфетамина и страха Магда попыталась затолкать выползающий силикон назад, но боль усилилась настолько, что и без того неверное сознание окончательно поплыло, и она, не отрывая руку от груди, медленно осела на пол.

Приехавшая вместе с ней именинница-блондинка, пораженная разыгравшейся на ее глазах пантомимой, опустилась на колени и, подняв одной рукой голову своей подруги, другой стала неуверенно хлестать ее по щекам.

– Магда, что случилось? У тебя что-то с сердцем?

Рука Магды была просунута за отворот туники и по-прежнему держалась за левую грудь, а в разрываемом цветными вспышками клубном полумраке кровавое пятно, быстро расползающееся по ярко-малиновой материи, было совершенно незаметно. Танцевавшая рядом молодежь остановилась.

– У нее, наверное, обезвоживание.

– А может передоз?

– Кто это?

– Да, Магдалена.

– Дайте ей воды!

Кто-то протянул блондинке бутылку минералки, но та не обращая внимания на столпившихся вокруг нее людей, стала вытягивать руку подруги из узкого выреза туники.

– У нее что-то с сердцем.

Когда отяжелевшая и вялая рука Магды, наконец, выскользнула из платья и безжизненно опустилась на кафельный пол, собравшаяся вокруг толпа с испуганным гулом отшатнулась.

– Да она вся в крови!

– Врача! Скорую!

– В ментовку надо звонить! Она уже не дышит!

– Кто не дышит?

– Магдалена!

– Магдалену убили?!

Музыка смолкла, в зале зажегся верхний свет и вся клубная тусовка, не дожидаясь приезда ментов и врачей, торопливо потянулась на выход.

Прибывшая через десять минут «Скорая помощь» отвезла Магду Делонэ в институт Склифосовского, а спустя пару дней Вадим Линкевич, никогда не доверявший отечественной медицине, увез свою пассию в известную швейцарскую клинику.

Егор Коваленко, не дождавшись возвращения Магды ни к семи, ни к восьми часам утра, сделал несколько безуспешных попыток дозвониться на ее мобильный телефон и, сдавая дежурство, оставил в журнале выделенную красным маркером запись:

«Магда Аленовна Делоне отказалась от дальнейшего прохождения послеоперационной реабилитации и самовольно покинула стационар хирургического отделения в 22 часа 25 минут.»

Выходные дни Егор провел в обществе нескольких бутылок водки, отключив мобильник и закрывшись от обеспокоенной Татьяны в пустой комнате, отведенной в перспективе под детскую. В понедельник он с тяжелой головой и дрожащими руками впервые за много лет отправился на работу общественным транспортом. В метро Егор купил популярную московскую газету и в подвале первой полосы, среди горячих столичных новостей сразу же наткнулся на кричащую заметку: «Гражданская жена Вадима Линкевича угодила в Склиф из-за халатности пластического хирурга». Ехать в «Зодиак» Егору сразу же расхотелось: было ясно, что крайним в этой неприглядной истории будет именно он. Выйдя из метро, он не стал садиться в маршрутку, а купил в палатке пару бутылок пива и неспешно побрел сначала по бульвару мимо украшенных новогодними гирляндами витрин, а потом по пустынным заснеженным аллеям старого парка. В клинику Егор добрался только в двенадцатом часу утра. Он еще не успел отряхнуть от снега ботинки, как дежуривший на входе охранник, забыв про привычное утреннее: «Здравствуйте!», с холодной вежливостью сообщил Егору, что главный врач уже целый час ждет его в своем кабинете. Коваленко молча кивнул в ответ головой и, не глядя по сторонам, быстро прошел к лифту. В большом кабинете на пятом этаже помимо главврача «Зодиака» находился еще и молодой человек в синем кителе с профессионально вьедливым взглядом – следователь межрайонной прокуратуры. Такое высокое внимание со стороны правоохранительных органов говорило о том, что история с Магдой может иметь для Егора самые печальные последствия.

– Ну, что, Коваленко, опозорил нашу клинику на всю Москву? – то ли спросил, то ли констатировал факт главврач.

Оказалось, что прокуратурой еще в воскресенье на основании показаний Магды Делонэ было заведено уголовное дело по статье 293 ч.2 – халатность, повлекшая причинение тяжкого вреда здоровью. Единственным подозреваемым в этом деле оказался Егор Коваленко.

– Я предупреждал Магду Делонэ о возможных последствиях! – обреченно возмутился Егор. – Я не выпускал ее из палаты. Я требовал, чтобы она написала расписку!

– У вас есть расписка? – бесстрастно осведомился следователь.

– Магда обманула меня. Она написала вот это, – Егор достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

– Ну, это полная ерунда, – усмехнулся следователь, увидев три ряда каллиграфических крестиков-ноликов.

– Я же говорю, она меня обманула. Я сам диктовал Магде расписку. Она обещала...

– А у меня имеются совершенно другие сведения, – безапелляционно прервал Егора молодой человек в синем кителе.

Оказалось, что Магда Делонэ, едва придя в сознание, сразу же обвинила в случившемся дежурного хирурга клиники «Зодиак-XXI». Она заявила, что в ответ на просьбу отпустить ее на день рождения подруги, дежурный врач собственноручно осмотрел швы, признал их состояние вполне удовлетворительным и за двести евро согласился отпустить Магду из клиники прямо посреди ночи.

Такой наглости Егор не ожидал:

– Это ложь! У меня есть свидетели – дежурная медсестра и охранник!

– Я их уже опросил, – следователь достал из папки два заполненных бледно-салатовых протокола. – Охранник, в нарушение инструкции, проводил ночную посетительницу в палату Магды Делонэ, и при вашем появлении сразу же вернулся на проходную. А медсестра по просьбе Магды позвала вас в ее палату, и тоже вернулась на свой пост. Что происходило в палате, она не видела и не слышала, но по ее словам в двадцать два часа двадцать пять минут Магда Делоне и ее подруга Лилия Крайнова беспрепятственно покинули хирургический стационар, а вы вернулись в ординаторскую и до семи утра оттуда не выходили.

– Но медсестра сама принесла мне бумагу для расписки!

– Какой расписки, вот этой? – следователь с ядовитой усмешкой указал на мятый лист с крестиками-ноликама. – В общем, картина ясна. Все показания, однозначно, свидетельствуют против вас. И, мне кажется, что к халатности может легко добавиться вымогательство, или понуждение к даче взятки. Я советую вам добровольно признать свою вину и попросить о рассмотрении дела в особом порядке. Это поможет избежать реального срока, а так же сэкономит ваше время и деньги на адвоката.

– Да вы что, совсем охренели?! Да, я лажанулся! Да, меня обманули! Но этим делом должно заниматься в административном порядке мое начальство! А вы, – Егор нагнулся к сидящему за столом следователю и запальчиво схватил его за блестящую пуговицу форменного мундира, – просто обязаны привлечь эту суку Магду и ее подругу за дачу ложных показаний, мошенничество и клевету!

Следователь побагровел и брезгливо отвел руку Егора от своего кителя.

– Подозреваемый, не зарывайтесь! А то получите еще и за оскорбление при исполнении!

– В конце концов, я оставил запись о самовольном уходе Магды в дежурном журнале!

– Вы должны были сделать эту запись сразу по факту ухода в двадцать три двадцать пять. А сделали ее только при сдаче смены, когда узнали, что Магда попала в Склиф.

– Я не знал, что с ней произошло.

– Это имеет значения. Вся новая смена видела, как вы делали запись в восемь утра.

Через три часа Егор Коваленко, слегка сутулясь под сочувственными взглядами сослуживцев, навсегда покинул «Зодиак». В кармане его пиджака лежали полученный в бухгалтерии расчет, трудовая книжка с увольнением по тридцать третьей статье и подписка о невыезде за пределы города Москвы. Только подойдя к двери своей квартиры и достав привычным жестом ключи, Егор понял, что ему больше нечем выплачивать ипотечный кредит. Расчета и отложенных на черный день накоплений хватит от силы на полгода самой скромной жизни, а потом...

6

Дальнейшая жизнь Егора превратилась в какой-то безумный калейдоскоп, в котором каждый новый день нес с собой новые неприятные сюрпризы. Пока он мрачно отмечал сам с собою большие новогодние каникулы, Татьяна вернулась к своим родителям, увезла с собой изрядную часть мебели и бытовой техники и, поспешно дистанцируясь от неудачника мужа, подала на развод. Магда Делонэ, вернувшись через месяц из швейцарской клиники, собрала объемистую папку справок, больничных счетов и аптечных чеков, добавила к ним расторгнутый контракт о фотосессии для модного мужского журнала и выставила Егору астрономический иск о возмещении материального ущерба, упущенной выгоды и морального вреда. Банк согласился отсрочить ипотечные выплаты на полгода, лишь на условии единовременного погашения задолженности к первому июля. А муж Ольги, взявшийся безвозмездно защищать сына, печально сообщил, что у покровителя Магды Вадима Линкевича очень хорошие связи во всех властных структурах, и исход дела предрешен заранее.

Исход дела даже без всяких связей был предрешен показаниями свидетелей. И дежурная медсестра, и охранник, и ночная гостья Лилия Крайнова, как сговорившись, дружно топили Егора Коваленко. Первые двое боялись потерять свои рабочие места, а третья просто помогала подруге. Егор по совету своего зятя-адвоката никак не реагировал на беспардонную ложь свидетелей, но когда на первом же судебном заседании потерпевшая стала в красках расписывать, как он пять минут ощупывал ее грудь, оболганный хирург не выдержал:

– Да кого вы слушаете? Она же никакая не Магда Делонэ! Она – Маша Коровкина из Размахаева! Она все, всем и всегда врет!

– Подсудимый, немедленно прекратите оскорблять потерпевшую!

Судья грозно стукнул молотком, но было уже поздно. Скучно дремавшие в зале репортеры светской хроники очнулись и торопливо защелкали фотоаппаратами.

– А можно подробнее?

– А где это Размахаево?

Заседание было сорвано, зато и Егор Коваленко и Магда Делонэ вышли из зала суда безусловными ньюсмейкерами всей желтой прессы. За один вечер Егор заработал на интервью столько же, сколько зарабатывал в «Зодиак» за месяц. Магда, несомненно, могла бы заработать на порядок больше, но она привычно обвинила Коваленко во лжи и удалилась со своим адвокатом готовить новый иск о клевете. Однако подать этот иск им не удалось. Уже на следующее утро дотошные журналисты добрались до утопающего в тамбовском черноземе Размахаева, а еще через день все бульварные газеты напечатали подлинную биографию внебрачной дочери французского киноактера.

Оказалось, что все ее предки безвылазно жили на Тамбовщине. Все они были потомственные крестьяне, и первой, кто решился прервать эту семейную традицию, была Елизавета Коровкина, отправившаяся в середине восьмидесятых покорять Москву. В столице она устроилась сборщицей на одном из конвейеров ЗИЛа и получила место в общежитии в Бирюлево. Через год у нее родилась дочь Маша. Никто из трех кандидатов в отцы признавать ребенка своим не захотел, и молодой матери-одиночке по настоятельной рекомендации коменданта общежития пришлось добровольно-принудительно вернуться в Размахаево. В родном селе ничего лучше места почтальонши для нее не нашлось. В жару, в мороз, в дождь и в снег Елизавета Коровкина месила резиновыми сапогами жирный тамбовский чернозем, неся на боку увесистую дерматиновую сумку с газетами, журналами и письмами. В селе в мутном изображении с перебоями принимались только два центральных телеканала, поэтому журналы, которые регулярно приносила с почты мать, стали основным источником познания для подрастающей Маши. Сначала это были «Веселые картинки» и «Мурзилка», потом едва тлеющий

«Костер» и какая-то невнятная, плохо пропечатанная «Тамбовская молодежь». Но с середины девяностых все резко изменилось. На сельской почте отвязно застучал забойный «Молоток», содержащий полезные советы о подростковой контрацепции, оригинальные инструкции по безнаказанному издевательствам над неугодными тичерами и постоянно обновляемый словарь современного молодежного сленга. Чуть позже к «Молотку» присоединился отморозенный «Cool» и парочка гляцевых даун-таблоидов «OK» и «Hello». К одиннадцатому классу у Маши не было ни малейших сомнений в том, что настоящая жизнь сосредоточена исключительно на семистах квадратных километрах, в пределах Московской Кольцевой Автодороги. Но штурмовать столицу так же наивно и прямолинейно, как это сделала в свое время ее мать, Маша Коровкина не собиралась. Для удачного штурма требовались безукоризненная внешность, надежная легенда, как у разведчика-нелегала, и хотя бы небольшая материальная поддержка на первое время. Из всего этого у Маши имелась только невероятная, даже по сельским меркам грудь – предмет ночных грез всех ее одноклассников. Поэтому после школы она подалась не в Москву, а в Добрянский экономический колледж. Оказавшись в райцентре, Маша сразу же записалась в бассейн и фитнес-клуб, стала регулярно посещать косметический салон и курсы французского языка, а отвязно-молодежные «Молоток» и «Cool» сменила на взрослые и респектабельные «Космополитен» и «Мари Клер». Через два года из колледжа вышла уже не взбалмошная сельская лохушка с цветными волосами и серьгой в левой ноздре, а уверенная в себе молодая женщина с эффектно подчеркнутой грудью и стильным неброским макияжем. Однако и теперь Маша отправилась не в Москву, а на местный молзавод, где устроилась на работу рядовым бухгалтером. Естественно, что за время учебы она обзавелась немалым количеством поклонников, среди которых помимо студентов и рыночных торговцев имелись весьма достойные по местным меркам кандидаты в мужья: главный инженер молзавода, директор местного автотранспортного предприятия и даже советник главы городской администрации. Никто из них Машу не интересовал, но от встреч она никогда не уклонялась и всегда успешно разводила своих поклонников на всякие ювелирные безделушки, которые не носила, а, не снимая бирок, складывала в старую палехскую шкатулку. Маше нужны были деньги на покорение Москвы. Минимально необходимая сумма с учетом отложенных драгоценностей собралась только после смерти матери, когда Маша удачно продала доставшийся ей по наследству родительский дом. Тогда она вполне официально сменила в местном ЗАГСе свое неприятное ФИО на претенциозно-вычурное Магда Аленовна Делонэ и без малейшего сожаления помахала своей малой родине изящно наманикюренной ручкой. В Москве она арендовала небольшую, но очень стильную студию в Кунцево, купила несколько вечерних прикидов не очень раскрученных, но вполне приличных европейских брендов и, освежив в памяти десяток расхожих французских фраз, смело отправилась субботним вечером в один из пафосных московских клубов. Около полуночи Маша подъехала к заведению на арендованном на одни сутки красном «Мини Купере» и, словно флагманский крейсер, гордо подняв голову, прошла сквозь толпу не прошедших фейс-контроль таких же как она дерзких и амбициозных провинциалов. На входе она хорошо отрепетированным жестом вручила охраннику-контролеру свою визитную карточку и снисходительно улыбнулась: «Bonsoir!». Выдержанная в строгих серо-платиновых тонах визитка позиционировала свою хозяйку как виконтессу Магду Алену де Лоне. Свой титул Маша Коровкина выбирала долго и чисто ассоциативно. Княгини, герцогини и баронессы в ее представлении были прочно увязаны с немолодыми толстыми тетками в кринолиновых платьях с невероятными прическами в виде кораблей и башен; титул маркизы был навечно узурпирован Анжеликой, а графиня ассоциировалась с героиней каких-то пошлых анекдотов. Когда Маша уже отчаялась выбрать себе достойный титул, ей неожиданно вспомнился виконт де Бражелон. Виконтесса – это звучало дерзко и гордо, и почему-то ассоциировалось с неземной красотой и вечной молодостью. Контролер, чуявший провинциалок, как гончая зайца, несколько секунд сверлил титулованную псевдофранцузенку профес-

сионально-пронизывающим взглядом, а потом бесстрастно кивнул: «Bonsoir, madam!». Фейс-контроль был успешно пройден, а все остальное было для Маши Коровкиной делом техники, отработанной еще на Добрянских дискотеках.

– На фига ты открыл этот ящик Пандоры? – раздражено спрашивал Егора его зять-адвокат, размахивая кипой бульварных таблоидов. – Теперь Магда с Линкевичем тебя точно на три года в зону законопатят!

– А чего мне теперь терять? Как говорит в таких безнадежных случаях мой отец: дальше фронта не пошлют, ниже рядового не разжалуют, – с фатальной обреченностью отвечал Коваленко. – Пусть Магда теперь попрыгает! Может Линкевич ее бросит, а без его поддержки все дело развалится.

Но экстравагантный Линкевич Магду не бросил, и та действительно прыгала. От радости. Благодаря всем этим разоблачениям и откровениям жителей Размахаева и Добрянска, она на долгое время стала ньюсмейкером номер один всей телевизионной и газетной светской хроники. Репортеры выстраивались в очередь, чтобы взять интервью у Тамбовской Золушки.

– Чем вы так привлекаете к себе мужчин. Неужели только грудью?

– Ну не интеллектом же их привлекать! – самоуверенно смеялась Коровкина. – Мужики они везде одинаковые, что в московском клубе, что на сельской дискотеке. Только здесь у них денег побольше.

Придя на очередное заседание суда, Магда даже приветливо улыбнулась и помахала рукой так неожиданно распиарившему ее Егору. Интерес к процессу многократно возрос, репортеры надрывно сочувствовали светской содержанке, так жестоко пострадавшей от медицинской некомпетентности, а Егор Коваленко и клиника «Зодиак-XXI» стали антигероями целой серии разоблачительных передач и статей о пластической хирургии. К последнему заседанию Егор уже не сомневался, что получит реальный срок, и на оглашение приговора захватил с собой спортивную сумку с вещами.

Приговор с одной стороны оказался достаточно мягким, а с другой по-настоящему убийственным: три года условно с лишением права заниматься врачебной деятельностью на тот же срок и три миллиона сто двадцать шесть тысяч рублей компенсации материального ущерба, морального вреда и упущенной выгоды.

Не питая особых иллюзий, Коваленко подал апелляцию в Московский Городской Суд, но и там приговор оставили в силе.

– Меня зарезали без ножа и скальпеля, – удрученно прокомментировал окончательное решение Егор. – Мне теперь придется всю оставшуюся жизнь бегать от какой-то Маши Коровкиной.

На календаре заканчивался первый летний месяц, по улицам летел запоздалый тополиный пух, и на Егора неумолимо надвигалось первое июля – срок к которому он должен был погасить шестимесячную ипотечную задолженность. Не дожидаясь визита кредиторов и судебных приставов, он решил перебраться к отцу.

7

Анатолий Иванович Коваленко досрочно окончил службу в звании майора артиллерии в поспешно выводимой из объединенной Германии Западной Группе Войск. Почти два года в ожидании жилья он прожил в полевом палаточном лагере на Орловщине, а потом получил однокомнатную квартиру в подмосковном городе-спутнике в километре от МКАДа. Егор и Ольга, жившие вместе с его матерью, в то время уже были студентами-третьекурсниками. Отставной майор Коваленко устроился охранником в крупное столичное казино и нередко заезжал после работы, поговорить с повзрослевшими детьми и провести заметно постаревшую мать. Егор и Ольга в свою очередь тоже навещали отца по выходным и непременно поздравляли его с днем рождения, 23 февраля и днем ракетных войск и артиллерии. Новый год они несколько лет подряд встречали в узком семейном кругу. Но со временем такие встречи становились все реже, а потом и вовсе прекратились. Ольга, окончив университет, переехала жить к своему будущему мужу; бабушка умерла; а у Егора после ее смерти поселилась операционная сестра Татьяна. Семейные связи, как это часто бывает с появлением новых родственников, разорвались. У Егора вызывал немотивированное раздражение муж Ольги – адвокат-всезнайка Виктор Астапов, Ольга терпеть не могла мелочную и прижимистую Татьяну, а старший Коваленко, видя, как отдаляются от него дети, винил в этом зятя и невестку. Последний раз все пятеро собрались вместе четыре года назад на дне рождения Анатолия Коваленко. Отставной майор выглядел болезненным и усталым. Оказалось, что он бросил работу в казино и устроился охранником в ближайший детский сад.

– Тяжело мне по полтора часа на работу ездить, да и ночные смены здорово выматывают, – объяснил Коваленко-старший свой переход. – А в детском саду по ночам можно спокойно спать, и свободного времени у меня теперь выше крыши.

– А у тебя как со здоровьем? Ты ничем не заболел? – насторожился Егор.

Его смутили слова отца о свободном времени. У Анатолия Коваленко никогда не было никакого всепоглощающего мужского хобби. Он не увлекался ни футболом, ни охотой, ни рыбалкой, ни автоделом. Когда-то он неплохо играл в бильярд, но теперь двести рублей за час аренды стола были слишком большой суммой для военного пенсионера. Раньше все свое время Коваленко, как настоящий офицер, посвящал службе и, выйдя в отставку, долго тяготился свалившейся на него свободой.

– Не волнуйся, у меня со здоровьем все нормально. Конечно, не молодею, но пока ничего, слава богу, не болит.

– Когда заболит – поздно будет. Хочешь, я тебе устрою полное обследование?

Егор в то время еще работал в городской больнице.

– Спасибо не надо. Давай лучше выпьем за удачу.

«Какую еще удачу?» – удивленно подумал Егор, но вслух ничего не спросил.

В следующий раз он встретился с отцом только четыре года спустя на оглашении приговора в районном суде. Не желая лишней раз печалить отца, Егор ничего не рассказывал ему об инциденте с Магдой Делонэ, а лишь обтекаемо сообщил по телефону, о небольших неприятностях, возникших на работе. Анатолий Коваленко сам случайно увидел по телевизору разоблачительный сюжет об очередной жертве пластической операции, едва не погибшей из-за халатности дежурного хирурга. Услышав имя обвиняемого врача, отставной майор сразу же позвонил сыну:

– Я тут видел передачу про какую-то Магду Делонэ. Это правда?

– Неправда.

Егор рассказал отцу, как все было на самом деле, и, не смягчая красок, объяснил, что ему теперь грозит.

– Эту ипотечную квартиру я по-любому потеряю. Пустишь меня к себе пожить?

В трубке повисла какая-то странная пауза.

– Если бы ты сказал об этом раньше.

– А что, у тебя тоже проблемы?

– Нет, у меня все нормально. Ты когда собираешься переезжать?

– После первого июля.

– Хорошо. Значит, у меня еще есть время.

Егор удивился, но снова ничего не спросил.

На оглашении приговора Анатолий Коваленко то сочувственно смотрел на раздавленного судебной несправедливостью сына, то метал испепеляющие взгляды в сторону пришедшего вместе с Магдой Вадима Линкевича. Одетый в пеструю рубашку и оранжевый пиджак, увешанный цепочками и перстнями владелец сети игровых клубов был похож не на влиятельного бизнесмена, имеющего знакомства в высоких коридорах власти, а на драгдилера из какой-то криминальной комедии.

Выслушав убийственный судебный вердикт, отец подошел к Егору и вместо слов утешения неожиданно спросил:

– Так значит, тебя этот козел укатал?

– Кто? – не понял Егор.

– Линкевич.

– Меня укатала Маша Коровкина.

– Без Вадима, она бы ничего не сделала.

– Ты его знаешь?

– Доводилось несколько раз общаться... – неприязненно процедил сквозь зубы Анатолий Коваленко. – Ты теперь что собираешься делать?

– Он будет подавать апелляцию в городской суд, – ответила за брата подошедшая Ольга.

– Без толку, в московских судах у Линкевича все схвачено. Знаете, сколько раз он судился из-за своих клубов?

Шла первая декада мая, воздух в городе был еще свежий и холодный, деревья только покрылись клейкой прозрачной листвой, а проезжающие машины были украшены георгиевскими ленточками. Семья Коваленко зашла в ближайшее кафе и просидела там до закрытия, вспоминая то далекое и, как теперь казалось, безоблачное время, когда была жива мать, и они вчетвером кочевали из одного военного городка в другой. Под конец обоих мужчин изрядно развезло. Старший Коваленко стал непонятно и невнятно говорить о том, что время еще есть, что они еще сыграются и умоют Вадима Линкевича и его пессию, что какая-то закономерность существует, и что он ее уже вычислил, а ушедший в свои печальные мысли Егор молчал и согласно кивал в ответ головой. В результате Ольге пришлось взять такси и развезти обоих мужчин по домам.

Как и предполагал Коваленко-старший, городской суд ни в одном пункте не изменил решение районного. Сразу же после короткого, буквально пятиминутного заседания, к Егору, помахивая копией судебного вердикта, подошла ехидно ухмыляющаяся Магда Делоне.

– Ну что, должничок, добровольно расплатишься, или будем заводить исполнительное производство?

– Да пошла ты...

– Ну, тогда жди судебных приставов, – Магда развернулась и подиумной, от бедра походкой направилась к выходу.

«Чтоб ты споткнулась», – подумал Егор, но желание не материализовалось, и удачливая содержанка вышла из зала с гордо поднятой головой.

На рассмотрение Егоровой апелляции старший Коваленко не пришел. К домашнему телефону он не подходил, а мобильный постоянно находился вне зоны доступа. Когда Егору

все же удалось дозвониться, отец только поинтересовался, какого числа он собирается переезжать к нему и тут же отключил трубку. А через пару дней на рассвете первого июля Егора разбудил телефонный звонок.

– Здравствуй, сын, – отчужденно и глухо прозвучал в трубке голос отца.

– Доброе утро, – рассеянно-сонно ответил Егор.

– Никакое оно на хрен не доброе. Ты меня извини, но я проиграл все что мог, – ум, честь, совесть и квартиру. Извини, что я прощаюсь в таком состоянии, но по-трезвому у меня язык не повернется с тобой говорить.

Судя, по невнятной дикции старший Коваленко был изрядно пьян. Утренняя дремота слетела с Егора вместе с одеялом, и он торопливо распахнул дверцы платяного шкафа.

– Отец, ты чего?! Я сейчас приеду!

– Поздно, сынок, поздно. Да и приезжать тебе больше некуда. Извини, но я тебя очень сильно подставил. У меня больше нет квартиры.

– У тебя что, пожар? – Егор, держа правой рукой телефон, левой неуклюже натягивал на себя джинсы.

– Хуже, я все проиграл. Я думал, что сумею разгадать систему, но ее нет. Дай мне слово, что ты никогда не будешь играть в рулетку, – голос Анатолия Коваленко с каждым словом становился все тише и словно куда-то уплывал.

– Какая система, какая рулетка?! Отец, ты где? Дома?

– У меня нет больше дома. Дай мне слово, что ты никогда не будешь играть.

– Я никогда не буду ни во что играть. Ты дома?!

– Вот и хорошо. Тогда прости меня за все и прощай.

Телефонная трубка хрипло булькнула, будто в нее плеснули воды, и затихла. Мчась по еще не проснувшемуся утреннему городу, Егор поочередно набирал то мобильный то домашний телефоны отца, но ни один номер не отвечал. Подъезжая к «военному городку», как местные жители называли квартал, построенный специально для отставных военных, он сразу отметил два распахнутых настежь отцовских окна. Потом Егор бесконечно долго одной рукой нажимал кнопку звонка, а другой, срываясь и путаясь в ключах, открывал дверные замки. Наконец, дверь подалась, и на Коваленко пахнуло едкой гарью. Несмотря на открытые окна, вся квартира была затянута кисейно-белесым смогом.

– Отец, ты где?!

И в комнате и на кухне было пусто. Не было не только отца, но и практически никакой мебели. В комнате в металлическом тазике, стоявшем рядом с письменным столом, еще дымился пепел, а пол вокруг был засыпан обрывками каких-то записок. В кухне на краю мойки стояла недопитая бутылка водки, а рядом с ней серебрился пустой блистер из-под димедрола. На дне мойки поблескивал влажными каплями светло-серый наждачный брусок.

– Отец, ты где?

Цепочка крупных ярко-вишневых пятен тянулась по давно немытому полу от мойки к ванной комнате. Уже прекрасно понимая, что именно произошло, Егор потянул на себя единственную оставшуюся закрытой дверь и тут же зажал рот рукой. Отставной майор артиллерии Анатолий Коваленко лежал, закинув голову на задний бортик ванной, закрыв глаза и чуть приоткрыв рот. Скрывавшая его тело вода была похожа на свежавыжатый томатный сок.

– Что ты наделал?

Егор, много лет проработавший оперирующим хирургом, еще со студенческой скамьи привыкший к крови и трупам, при виде беспомощно лежащего в окровавленной ванне отца, совершенно потерял голову. Прекрасно понимая, что отец мертв, и исправить уже ничего нельзя, он отчаянно хлестал его ладонью по щекам, пытался сделать искусственное дыхание, а потом слил воду и перетянул полотенцами изрезанные от локтя до запястья руки. Только через полчаса он вышел из ванной комнаты и позвонил в милицию, «Скорую помощь» и Ольге.

Приехавший врач вернул Егора к реальности уколом феназепама, и он до полудня объяснял следователю, каковы были в последнее время его отношения с отцом, как он обнаружил тело, почему слил воду из ванной и зачем накладывал жгуты. Судмедэксперт тем временем флегматично собирал вещественные доказательства: стакан и бутылку из-под водки, блистер от димедрола, лежавший на дне ванны кухонный нож, заточенный не хуже опасной бритвы, разбросанные по полу клочки бумаги, окурки и даже немного пепла из тазика.

– Вы меня в чем-то подозреваете? – отрешенно спросил Егор.

– Пока нет, – с профессиональным безразличием ответил следователь. – Но ваш отец не оставил никакой посмертной записки, а ваши действия выглядят, мягко говоря, неадекватными сложившейся обстановке.

– В моих обстоятельствах, кто угодно станет неадекватным.

– Вот мы и проверим ваши обстоятельства.

Егор чтобы снова не потерять связь с реальностью, едва ли не до крови закусил нижнюю губу.

8

Он окончательно пришел в себя только, когда захлопнулась дверь за молчаливыми санитарями, увозившими в морг тело отца, наглухо застегнутое в пугающий черный мешок. Первым делом он вытряхнул из тастика пепел и замыл подсохшие пятна в кухне и в коридоре. Потом отчистил до операционно-стерильного блеска ванную комнату, принял душ и сменил свою испачканную кровью одежду на отцовский домашний халат.

Ольга еще два дня назад уехала на научную конференцию в Питер и даже самым ближайшим экспрессом могла возвратиться только к вечеру. В широко распахнутые окна врвался горячий дневной воздух, и до ее приезда оставалось не менее трех часов. В косых солнечных лучах золотились мелкие искорки пыли, но убираться Егору больше не хотелось. Он подобрал с пола несколько оставшихся бумажных клочков и сел за письменный стол. Обрывки никак не стыковались между собой, но, даже не складывая из них паззл, легко было догадаться, что оригинальный лист был заполнен какими-то числовыми рядами: 17, 29, 8... 12, 23, 36...

– Спортлото какое-то...

Егор сдвинул бумажные обрывки в сторону, открыл верхний ящик стола и тут же резко оторвал руку, словно нечаянно дотронулся до раскаленной сковородки. В ящике на большой пластиковой папке лежала парадная фотография Анатолия Коваленко, перехваченная по правому нижнему углу черной траурной лентой. Егор с минуту смотрел в еще молодые и уверенные глаза отца, потом бережно вынул фотографию обеими руками и поставил по центру стола между старым монитором и треснувшей тарелкой, исполнявшей роль пепельницы. Под фотографией оказался сложенный вдвое лист писчей бумаги. Внутри листа лежала новенькая купюра с портретом Бенджамина Франклина, а сам лист был размашисто исписан неровным отцовским почерком.

«Дорогие мои Егор и Ольга! Простите меня за этот страшный поступок, но по-другому я не мог. Я хотел помочь тебе Егор, но вместо этого проиграл квартиру. Что бы я ни написал в свое оправдание – все будет звучать как бред сумасшедшего. Поэтому позвоните Львовичу, пусть он вам расскажет, с чего все началось. И передайте ему сто долларов – я проиграл спор. Прощайте. Ваш отец.»

Судя по количеству помарок и исправлений, это небольшое прощальное письмо далось Анатолию Коваленко с немалым трудом. Было похоже, будто отставной майор жил последние годы в каком-то своем ирреальном мире: сумел разгадать систему... никогда не играть в рулетку... проиграл квартиру... позвоните Львовичу... Тазик сожженных бумаг и такая страшная смерть... Похоже, работая в казино, отец сам превратился в неизлечимого игромана. Егору на секунду показалось, что он вот-вот сам потеряет связь с реальным миром. Позвоните Львовичу...

Николай Львович Малышев дружил с Анатолием Коваленко едва ли не с детского сада. Они жили в одном доме, учились в одной школе, даже в армии каким-то случаем попали служить в одну часть. После армии пути школьных друзей разошлись: Коваленко поступил в училище ПВО, а Малышев в воздушно-десантное. Но они вели регулярную переписку и несколько раз вместе проводили отпуск. Малышев, имевший стаж службы в горячих точках вышел в отставку раньше, чем Коваленко и сразу устроился в охрану только что открывшегося крупного столичного казино «Коралл», а потом пригласил туда на работу и своего друга. Наверное, уже никто не помнил, почему Колю Малышева еще в школе прозвали Львовичем, но старший Коваленко называл своего друга исключительно так. Егор с детства слышал от отца: надо написать Львовичу, надо позвонить Львовичу, надо съездить к Львовичу. И вот теперь надо позвонить ему в последний раз. Егор, не зная мобильного, набрал с отцовского телефона домашний номер его давнего и единственного друга. На другом конце линии сухо щелкнул определитель,

и в трубке потянулась бесконечная вереница долгих гудков. Егор вернул телефон на полочку у кровати и, внутренне готовый к очередной неприятности, осторожно, словно неразорвавшуюся бомбу, вынул из письменного стола ядовито-зеленую папку-конверт. Находившийся внутри «Договор коммерческого займа под залог недвижимости» настолько поразил его своими откровенно-кабальными условиями, что Егор прочитал его два раза подряд. Договор был заключен больше четырех месяцев назад, еще до начала судебного процесса по делу Егора и скандала с настоящим именем Магды Делонэ. Получалось, что Анатолий Коваленко заложил свою квартиру, ещё ничего не зная о постигших сына неприятностях. Легче от этого Егору не стало, но где-то в глубине души подняло голову стыдливое самооправдание. Мол, отец залез в эту финансовую кабалу вовсе не ради меня.

Егор бросил курить, как только перешел на работу в «Зодиак», там эта привычка не приветствовалась. Но тут не выдержал и достал из лежавшей на краю стола пачки «Новости», сигарету с угольно-черным фильтром. Сделав несколько затяжек и ощутив забытое туманно-легкое расслабление, он нажал бледно-зеленую кнопку на системном блоке. Пока компьютер по-старчески тяжело и напряжно грузился, сигарета успела отправиться в импровизированную пепельницу из треснувшей суповой тарелки. На жестком диске оказалось всего два файла: «Игры» и папка со странным названием «ГЛИМСКИНДА». Предчувствуя очередные неожиданности, Егор решил начать с более понятных игр. Там оказался стандартный набор: козел, покер и два вида преферанса. Сыграв три партии в козла и выкурив ещё одну сигарету, Егор, наконец, решился кликнуть загадочного ГЛИМСКИНДА, непонятно почему космически ассоциировавшегося с ГЛОНАССом. Может, отец хранил какую-то секретную информацию со времен своей службы в Германии? Хотя, какие тайны мог знать обычный майор, и кому они теперь нужны? Бред... Системный блок загудел, словно рвущаяся на старт ракета, и выплеснул на экран сильно заторможенную запись камеры наблюдения. Судя по дате, запись была сделана еще шесть лет назад в каком-то крупном казино. Объектив видеокамеры старательно фокусировался на неопрятно-помятом мужчине, непонятно как попавшем в respectable игровой зал. Этот странный мужчина играл на VIP-рулетке и делал минимальные единичные ставки в номер.

– Все ясно, – подумал Егор, авансом испытывая странную неприязнь к неизвестному игроку. – Сейчас этот бомжеватый тип сорвет какой-нибудь немеряный джек-пот.

Коваленко хотел закурить еще одну сигарету, но тут в прихожей раздался настойчивый трезвон дверного звонка. Егор машинально выключил отцовский компьютер и пошел открывать. На пороге стояла Ольга, одетая в длинное черное платье и траурный кисейный платок.

– А почему так гарью пахнет? Здесь что, был пожар?

– Нет, это отец сжег какие-то бумаги. Сейчас я тебе все по порядку расскажу.

И Егору пришлось заново вместе с сестрой пережить все события этого страшного дня.

9

Львович объявился только к обеду следующего дня. Егор уже собирался покинуть отмытую до чистых отголосков отцовскую квартиру, когда стационарный домашний телефон разразился протяжным пиликаньем.

– Алло.

– Егор, здравствуй! Отец дома? – голос у Малышева был необычно низкий и хриплый – не то спросонья, не то с похмелья.

– Отец? – от неожиданности Егор растерялся и с трудом выдохнул в задрожавшую трубку. – Его нет. Он умер... вчера.

– Как умер? Ты чего, Егор? Он же... – хриплый голос на другом конце линии задохнулся, а потом разразился тяжелым залпом бронхитно-прокуренного кашля.

– Самоубийство, – уже спокойно и твердо ответил Егор, слегка отстранив от уха гремящую артиллерийской канонадой трубку. – Отец проиграл квартиру и вскрыл себе вены. Он оставил записку и сто долларов за какой-то проигранный спор. Там написано, что вы расскажите, с чего все началось.

Кашель в телефоне затих так же неожиданно, как и начался.

– Господи, а я-то думал, что вчера все, наоборот, благополучно закончилось. Я сейчас приеду.

Через сорок минут Львович уже сидел вместе с Егором за письменным столом со стареньким монитором и траурной фотографией майора Коваленко. На первый взгляд Николай Львович Малышев производил невзрачное впечатление недавно вышедшего на пенсию работника. Серые брюки, серая рубашка и серая жилетка а-ля Вассерман с множеством карманов и клапанов; серые глаза с красными прожилками и коротко стриженные пепельно-серые волосы. Такие неприметные пенсионеры живут в каждом московском дворе, и только идеально прямая осанка, говорила об армейском прошлом Львовича.

Мешки под глазами, жвачка во рту и явный перебор цитрусового одеколona молчаливо свидетельствовали о недавнем загуле, и Львович, словно оправдываясь, произнес:

– Мы вчера закрывали наше казино. После полуночи хозяин накрыл прямо на игровых столах поляну и поставил отвальную, вот мы и гудели едва ли не сутки. А сегодня просыпаюсь – у меня весь телефон забит звонками от Толика. Его накануне приглашали на закрытие, только он отказался. Чего я, говорит, в вашем казино не видел? Насмотрелся за десять лет. Совершенно спокойный был. А вчера целый день мне звонил, а я спал как убитый. Кто бы мог подумать?

Воспаленные глаза Малышева влажно заблестели.

– Успокойтесь, Николай Львович, это не отец, это я вам вчера звонил.

Егору пришлось в очередной раз рассказать и пережить все события предыдущего дня.

– С чего все началось? – Львович повертел в руках прощальную записку своего друга, отложил ее на стол и достал из внутреннего кармана жилетки сувенирную металлическую фляжку с гербом Советского Союза. – Будешь?

Егор отрицательно помотал головой.

– А я помяну, а то у меня язык к нёбу прилипает. Пусть земля Толику будет пухом.

Малышев поднял испещренные красными прожилками глаза к потолку, сделал несколько мелких дрожащих глотков прямо из горлышка, утер ладонью губы и, аккуратно завинтив фляжку, положил ее обратно в жилетку.

– Все началось с Миши Глимскинда. В девяностые годы этого городского сумасшедшего знали во всех казино Москвы. Говорят, он начал играть еще в восемьдесят девятом, когда в гостинице «Ленинградской» легально открылась первая в Советском Союзе рулетка.

Услышав фамилию Глимскинд, Егор непроизвольно напрягся.

– Его отец – знаменитый академик – еще на заре перестройки понял, что в России больше делать нечего и вместе с женой и дочерью свалил в Штаты. А Миша остался здесь дописывать диссертацию по теории вероятностей. Ну и дописался до зеленого сукна. Говорили, что он еще в школьные годы рассчитал беспроигрышную систему игры в Спортлото. Пять цифр из тридцати шести он, конечно, не угадывал, но, по крайней мере, всегда оставался в небольшом выигрыше или, хотя бы, при своих. А тут официально появилась настоящая рулетка, вот у парня крышу и сорвало. Когда я пришел на работу в казино «Коралл», Миша уже был конченным «запойным» игроманом. Он проиграл все что мог: и квартиру, и дачу; и жил в загородном доме у модного в то время астролога Буянова. Что их связывало – астрология, или какая другая магия – я не знаю, но наши таксисты после проигрышей всегда отвозили его именно туда. А проигрывал Глимскинд немало: однажды за вечер просадил почти десять тысяч баксов. Правда, потом исчез куда-то на целый год, а когда снова появился, стал играть намного аккуратнее. Мог растянуть две тысячи на двое суток. Сядет за дешевый стол и ставит в номер по минимуму – он всегда играл только straight (ставка на один номер). Никаких сплитов, стритов, каре и линий не признавал (ставки на 2, 3, 4 и 6 номеров). Сидит так час-два, потихоньку спускает по полтинничку в рублях, а потом – бах! – сразу пятисотенную или тысячу! И всегда мимо! После этого Миша обычно шел в бар, брал стакан сока, доставал блокнотик и начинал в нем что-то строчить. А через полчаса снова за стол, и так пока деньги не кончатся. По два дня ничего не ел – только сок апельсиновый пил. Миша был настоящей достопримечательностью нашего клуба. У игроков существует поверье, что если подержаться за рукав неудачника, то тебе в этот день повезет. Многие постоянные клиенты даже специально просили сообщать им, когда играет Глимскинд, чтобы его рукав потрогать. Поэтому Миша всегда был желанным посетителем в любое время и в любом виде, на него даже никакой дресс-код не распространялся. Он всегда был какой-то мятый и неухоженный. Другого бы в таком виде и к порогу не подпустили, а у Миши это воспринималось как фирменный стиль, типа математик-неудачник.

– А где же он брал такие деньги на игру? Если я правильно понимаю, Глимскинд нигде официально не работал, – озадаченно перебил Львовича Егор.

– Не знаю. Казино – не налоговая инспекция, чужими доходами не интересуется. Впрочем, Миша играл не так уж и часто – всего пять-шесть раз в год. Может, он у Буянова по дому работал. Скопит жалованье за несколько месяцев, и в казино. Хотя какой из этого чудака работник? – Львович недоуменно развел руками. – Казалось, что так будет всегда: Миша приходит, проигрывает и уходит, а через пару месяцев возвращается и снова проигрывается до копейки. Но шесть лет назад произошло невероятное – Миша выиграл! Это был настоящий шок – неудачнику повезло! И как повезло – у него сыграли три пятитысячных ставки за VIP-столом! Выигрыш – чуть больше полмиллиона! В тот вечер Миша впервые пил в баре вместо сока шампанское и его, естественно, развезло. По правилам казино постоянного клиента с крупным выигрышем отвозит домой не обычный клубный шофер, а кто-нибудь из охранников. В тот вечер дежурным извозчиком был я. Глимскинд был нетрезв, возбужден и очень весел. Около метро он купил огромный букет цветов и всю дорогу нес какой-то вздор про Паскаля, и ханаанейское шестеричное счисление. Лез обниматься и говорил, что теперь его рабство кончилось, и он, наконец-то, женится на какой-то Стелле. Я про ханаанейскую систему запомнил, потому что «Москву – Петушки» почти наизусть знаю. Помнишь там ханаанейский бальзам из денатурата и политуры? «Выпить стакан ханаанейского бальзама – в этом есть и каприз, и идея, и пафос, и сверх того метафизический намек», – с откровенным удовольствием и удивительной точностью процитировал Львович легенду советского самиздата. – Было такое ощущение, будто Глимскинд сам в ту ночь полстакана этого бальзама тяпнул. А возле дома он, не глядя, выгреб мне из кармана целую охапку чаевых и... навсегда исчез.

– В смысле навсегда исчез?

– Он на моих глазах зашел в дом астролога Буянова и с тех пор ни в нашем казино, ни в каких других не появлялся, и никто больше ничего о нем не слышал...

Львович снова достал свою фляжку, трижды перекрестился и сделал несколько глотков.

– Может быть, он женился на своей Стелле и завязал с игрой... а может, подался разорять Лас-Вегас...

По поведению и интонации Львовича было ясно, что ни то, ни другое Глимскинду не удалось, однако Егор решил не заострять на этом внимание.

– А какое отношение к этой истории имеет мой отец?

Львович неспешно закурил и выдержал длинную паузу, явно решая какой-то терзавший его вопрос. Потом жестко раздавил сигарету о край тарелки-пепельницы и решительно встряхнул головой, словно сбрасывая с себя какое-то наваждение.

– Раз уж эта история окончилось такой печалью, то я расскажу тебе все. Мы с твоим отцом всегда работали в одну смену, но на разных постах. Я, как бывший десантник стоял «на воротах», а он, будучи технарем, обычно дежурил в мониторинной. Так было и в тот вечер. Когда отвез Глимскинда и вернулся в казино, там все стояли на ушах. Еще бы – наш хозяин по поводу выигрыша Миши неожиданно примчался посреди ночи едва ли не из Европы! Бывало, что у нас люди выигрывали и больше чем по миллиону, но это никогда не вызывало такого переполоха. Словом, меня сразу же потащили к хозяину. Тот сидел в мониторинной вместе с директором службы безопасности и твоим отцом. Втроем они смотрели запись игры Глимскинда. Когда я пришел, мне устроили форменный допрос. Куда я отвез Мишу? Что он делал? Что говорил? Когда я упомянул о Паскале и ханаанейском шестеричном счислении, хозяин буквально из кресла выпрыгнул: «Все сходится! Выигрышная система существует!». Он трижды заставил меня рассказать о поездке с Глимскиндом, а сам все слово какое-то чудное повторял, похожее на славяне. То ли хисяне, то ли ксистяне. Словом, чистый дурдом! Наш хозяин вместе с твоим отцом тогда до чуть ли следующего вечера изучали видеозаписи. Не знаю, о чем они разговаривали, но с этого дня у Толи и появилась навязчивая идея о системе. «Есть, – говорит, – выигрышная система игры в рулетку. Ее еще Паскаль открыл, а теперь Глимскинд вычислил. И наш хозяин уверен, что она есть. Он всю жизнь ищет людей, знающих систему». Я спрашиваю: «И кого он нашел кроме Глимскинда?» Никого, – отвечает, – но такие люди есть!» Упертый был твой отец. «Ты же в казино работаешь, – говорю, – каждый день видишь, до чего игра людей доводит! И, главное, знаешь, что эта зараза не лечится!» А он твердит свое: «Я по записям расшифрую систему. Хочешь на сто баксов поспорим?» Ну, мы и поспорили. Если бы тогда знать, чем это дело кончится... Словом, Толя стал играть. Не в нашем казино, конечно, а в других. На работу стал приходиться невыспавшийся. Ни с кем не разговаривает, лицо измученное, глаза красные как у кролика. Ночью в мониторинной сидит, и носом в стол клюет. Кому такой охранник нужен? Вот его с работы через несколько месяцев и попросили. Тогда Толик пошел охранником в детский сад. Зарплата, конечно, не та, но и спроса особого нет. Сутки продремал – трое свободен. Играй, не хочу. Со мной перестал встречаться. Мы последние два года только перезванивались. Говорил, что вот-вот откроет систему. А я, дурак, только смеялся... «Твои сто баксов, – говорю, – у меня всегда в портмоне лежат». А вчера я даже радовался за него. Ну, все, думаю, казино закрыли, и твоя игра, Толик, закончилась». И она, действительно, закончилась... навсегда...

Львович хрипло вздохнул, отвернулся от Егора и достал носовой платок. Несколько минут оба сидели молча. У Егора сложилось странное впечатление, что Львович все же не рассказал ему чего-то самого важного.

– И это все?

– Вроде бы все, – как-то не очень уверенно ответил отставной десантник. – Я, пожалуй, пойду. Что-то я себя уж слишком скверно чувствую. Когда будут похороны?

– Не знаю, как экспертизу проведут, – Егор едва сдержался, чтобы не выругаться, вспомнив эксперта и следователя.

– Ну, я пойду?

– Идите. Я, пожалуй, сегодня здесь заночую.

Егору, действительно, совсем не хотелось возвращаться в уже не свою, пустую и неудобную квартиру, в которую, возможно, ломались коллекторы и судебные приставы. Когда за Львовичем захлопнулась дверь, он лег на диван и стал складывать картинку из трещинок на пожелтевшем от табачного дыма потолке.

10

Егор уже задремал и видел какие-то причудливые игровые поля, испещренные неровными столбцами цифр, когда в прихожей раздался прерывисто-нервный зуммер входного звонка.

– Кто бы это мог бы быть? – досадливо пробормотал Егор и, не надевая тапочки, босиком поплелся к двери.

На пороге снова стоял Львович, лицо его покраснело, а глаза возбужденно блестели. Он то ли допил свою фляжку, то ли куда-то бегал, а, скорее всего, и то и другое.

– Знаешь, Егор, я не рассказал тебе самого главного. Я никому этого не рассказывал, даже твоему отцу.

Львович закурил и, слегка покачиваясь, прошел к письменному столу.

– Возможно, я сейчас совершаю большую глупость, но я чувствую себя виноватым в гибели Толи, – борясь с нервным возбуждением, Львович старался говорить медленно, тщательно подбирая слова. – В общем, когда я довез Глимскинда до дома Буянова, тот, не глядя, выгреб из пиджака пригоршню чаевых. Денег оказалось немало – около семи тысяч, но, главное, между купюрами лежал листок из Мишиного блокнота. В тот вечер Миша, впервые пил вместо сока шампанское, и ничего не записывал. Видимо, это была какая-то старая запись, которую он зачем-то вырвал из блокнота, положил в карман и там позабыл. Может быть, это даже зашифрованный ключ к системе, и Глимскинд не хотел оставлять его в своем блокноте. Я никому не стал рассказывать об этом листке, даже Толе. У него на следующий день так горели глаза, он с таким азартом рассказывал о системе, что я испугался давать ему такую наводку. Я думал, ну поищет он эту систему месяц-другой, ни черта не найдет, да и бросит. А вот видишь, как все сложилось. Может, если бы я отдал Толе этот листок, он бы, как Глимскинд, разгадал систему и жил бы сейчас в каком-нибудь Монте-Карло... а, может, все бы закончилось гораздо раньше.

– А этот листок еще существует? – испытывая невероятное волнение, спросил Егор.

– Существует, я за ним сейчас и ездил. Одно время мне хотелось сжечь эту бумажку, но что-то остановило. Вот она. Только что здесь зашифровано, это одному Глимскинду известно.

При виде протершегося на сгибах клетчатого блокнотного листка Егору сразу же вспомнился змеиный поцелуй Магды Делоне и его позорное фиаско в «Зодиаке». Листок представлял собой таблицу из странного сочетания крестиков, ноликов и палочек.

О ХХХХПХ ХІХ ХХІХ Х ХХХІІ
ХХХХХІ ХІІІ ХХХХІІ ХХХХХІІІ О ХХІІ
ПО ХІІ ХХІ ІІІ ХХХХ О
ХХІІ ХХХХХІ ІХ ХХХІІІ ХХ ХХХХХІІІ
ІІІ ХХХ ІО ХХХ ХХІ ХХХХІ
ПХ ПО ХХХХ ХІІ ХХІХ ХХІІІ
ХХХХІХ ХХХІІХ ХХХХІІХ ХХХІІ ІІ
ХХХ ХХІ ХХХХІІІ ПХ ХХХІ ХХХХХ
ХХХІІІ ХХХІХ ІО Х ХІІ ХХХХХІ

– Ничего себе система! – бывший хирург даже присвистнул от удивления.

– Вот и я говорю: ничего себе, – согласно кивнул головой Львович. – Я тогда подумал, что если отдам эту запись Толе, то он точно поверит в существование системы и всю оставшуюся жизнь потратит на ее расшифровку... А он и так поверил и потерял жизнь неизвестно ради

чего. Может, если бы у него был этот листок, то все пошло бы по-другому, ведь Толя хорошо знал математику...

– Похоже на римские цифры.

– Похоже, да не они.

– Я вижу, – согласно кивнул Егор. – А вы сами не пытались решить эту задачку?

– Даже и не думал. Я в таких делах полный ноль, – Львович махнул рукой, очертив в воздухе воображаемую баранку. – Во-первых, у меня в школе по алгебре было три с минусом, а, во-вторых, мне еще в юности сделали очень сильную прививку от азартных игр.

– Как это?

– История неприятная, но весьма поучительная, – Львович болезненно скривил губы, словно у него кольнуло в печени, а потом сплюнул в тарелку-пепельницу. – Вспоминать противно, но я все-таки расскажу, может быть, тебе пригодится. В Советском Союзе азартные игры на деньги были запрещены, но это не значит, что люди не играли. Играли, и как еще играли! Азарт и желание неожиданно разбогатеть свойственны любому нормальному человеку. Наше государство тоже использовало эту человеческую страсть и оставило для населения несколько хорошо позиционированных официальных игр: Государственную Выигрышную Лотерею, «Спортлото» и «Спринт». Это были добротные коммерческие проекты, на которых игроку нельзя было сильно обогатиться, а реально крупные выигрыши выпадали в основном в кинокомедиях, вроде «Зигзага удачи» и «Спортлото-82». Я, например, никогда не слышал о людях, которые выиграли бы больше червонца или четвертного. От игрока в этих играх практически ничего не зависело, а по-настоящему азартному человеку часто важен даже не результат, а сам процесс. Напряжение нервов, интрига или, как теперь говорят, драйв. Официальные игры, за исключением молниеносного «Спринта», в плане адреналина ничего этого не давали, а вот карты, домино и даже лото – сколько угодно. У нас во дворе бабушки играли по копейке в лото и шумели ничуть не хуже мужиков, забивавших «козла» за соседним столиком. В общем, несмотря на запрет, азартные игры в Советском Союзе вполне себе процветали. Играли и пенсионеры, и пионеры. Как у Высоцкого: «Сперва играли в фантики, в пристенок с крохоборами, и вот ушли романтики...»

Львович на несколько секунд прервал свою поучительную лекцию. Его устало-похмельное лицо неожиданно разгладилось, а в тусклых серых глазах проявился задорный блеск неунывающей молодости. Похоже, воспоминания об азартных играх были для него не так уж и неприятны.

– В нашей школе, всякий уважающий себя пацан начинал играть с четвертого-пятого класса. Сперва в трясучку, потом в пристенок и расшибалочку, а класса с восьмого уже повзрослому – в карты. Так и мы с Толиком: сначала стрясывались по пятаку с пацанами в подъезде, потом ходили резаться в пристенок за гаражами, а с восьмого класса стали ходить после школы под навесы.

– Куда-куда?

– Под навесы, – ностальгически улыбнулся Львович. – Наш район построили в начале шестидесятых на месте садоводческого колхоза. Там даже сейчас кое-где еще сохранились старые яблони, а во времена моей юности вокруг домов целые сады росли. Так вот, за этими садами на краю оврага было несколько больших навесов с вкопанными деревянными столами. Может, колхозники там яблоки сортировали, а может праздник урожая отмечали, кто знает. Это сейчас овраг засыпали, и новые дома построили, а тогда это место было глухое и безлюдное. Вот там и собирались те, кого нынче именуют неформальной молодежью, а в те времена называли попросту шпаной. Там можно было спокойно раздавить пузырек портвейна, побренчать на гитаре, обсудить проблемы или устроить разборку вдали от посторонних глаз, – место самое подходящее. Собирались в основном пацаны от четырнадцати до восемнадцати, но были и девчонки – такие оторвы, что многим парням могли фору дать. К сожалению, большинство из них

плохо кончилось. После восемнадцати пацаны уходили, кто в армию, а кто и на зону, и больше под навесы не возвращались. У всех начиналась новая взрослая жизнь. Иногда, правда, забредал по-пьяни какой-нибудь ветеран навесов и, загнув пару бак из армейской или лагерной жизни, начинал убеждать нас, что мы здесь только зря теряем время, но таких обычно не слушали. Каждый хотел учиться на своих ошибках.

Егор, теребя в руках записку Глимскинда, уныло вздохнул. Ему не терпелось, как следует рассмотреть загадочную таблицу, и он уже глубоко сожалел о том, что втравил Львовича в какие-то ностальгические мемуары. Тот, видимо уловив настроение Егора, встрепенулся и стер с лица благодушную улыбку. Задорный блеск в его глазах угас, и они снова стали усталыми и холодными. Однако свой монолог Львович не остановил.

– А еще под навесами играли в карты. Играли в любое время года и при любой погоде, благо навесы защищали и от дождя и от снега. Это было своего рода ритуалом – пришел, изволь сыграть хотя бы партию-другую. Поэтому навесы иногда в шутку называли Монте-Карло. Менты хорошо знали об этом и хотя бы раз в неделю наводили под навесами шухер. Большинство пацанов обычно убегали через овраг, но все равно кто-нибудь обязательно попался. Если это были обычные менты из райотдела, то они просто забирали деньги, карты, сигареты и, если было, бухло. А если это был рейд инспекции по делам несовершеннолетних, то все было гораздо хуже. Везли в отделение, составляли протокол, изымали под опись вещи и вызывали родителей. А еще посылали письмо по месту учебы или работы со всеми вытекающими... Так вот, про игру. Мы все друг друга более-менее знали, поэтому играли достаточно честно. Хотя, перефразируя Есенина: карты – есть ловкость ума и рук. Игру могли и «зарядить», особенно, если приходили какие-нибудь чужаки из соседнего квартала. Но те тоже были не конченые лохи, и игра могла закончиться дракой, а то и настоящим межквартальным побоищем. А если игра идет честная и ты не зарываешься, то есть не лезешь в долги, пытаешься отыграться, то обычно остаешься при своих. Если в первый день ты, допустим, проигрываешь пятьдесят копеек, во второй рубль, а в третий рубль пятьдесят, то на четвертый день тебе, как правило, везет, и ты выигрываешь что-нибудь около трешника. Ты просто возвращаешь свои деньги, но они уже кажутся настоящим выигрышем, и ты совершенно бесплатно получаешь массу положительных эмоций. Главное, уметь вовремя остановиться. Драма начинается тогда, когда какой-нибудь азартный молодой пацан, проиграв имевшийся у него рубль, пытается его тут же отыграть. Он начинает занимать деньги, а фишка ему явно не идет. Пацан поднимает свой долг до червонца или даже больше, ему назначают срок в три дня и в игру больше не пускают. А червонец в те времена – это хорошие деньги. И где этот червонец взять, если родители почти у всех нас были обычные работяги, а у многих еще и пьющие. А не отдашь долг в срок, включают счетчик и еще будут метелить каждый день. Все бандитские замашки появились не в девяностых. Они родом еще из нашего детства. Пацан сказал – пацан сделал. В итоге должник идет на какой-нибудь гоп-стоп или просто обносит соседскую квартиру. Если везет – отдает долг, нет – попадает на «малолетку». Практически все начинающие игроки, в том числе и я, проходили через это и потом уже играли аккуратно, без долгов. Как говорится: не за то батька сынку бил, что тот играл, а за то, что отыгрывался. Я, вообще, после первого крупного проигрыша определил для себя такое золотое правило: сколько бы ни было денег на кармане – проигрывать не больше рубля. Это правило очень трудно выполнять, но оно того стоит. Проиграл рубль и ша! Значит сегодня не твой день. А идет фишка – играй хоть до утра! В результате выигрывал я значительно больше, чем проигрывал. Многих это, мягко говоря, раздражало. «Ну, что? Рубль проиграл и все? Больше играть не хочешь? Ты же вчера пятерку выиграл». «Завтра, – отвечаю, – сыграю. Завтра». А сам давлю в себе искушение вернуться за стол. Но в итоге и меня раскрутили. Примитивно и жестко. После десятого класса я поступал в ЗИЛОВСКИЙ ВТУЗ, но завалил математику и до армии остался работать на заводе токарем. У меня был четвертый разряд, полученный в школьном УПК. Весной перед призывом, получив на заводе оконча-

тельный расчет, я взял пару пузырей «тридцать третьего» портвейна и отправился под навесы. Время было относительно раннее, часов пять, моросил дождик, и пацанов было немного. Надо сказать, что хотя под навесами все друг друга знали, но в основном держались своими возрастными группами, сложившимися из школьных параллелей. Каждая группа занимала свой навес. Наша группа была тогда самой старшей и занимала самый бластной дальний навес на краю оврага. Когда я пришел там были только пэтэушники братья-близнецы Бирюковы, которых я никогда не отличал друг друга и Сашка Титов, окончивший со мной десять классов и тоже никуда не поступивший. Мы выпили портвейн за мое увольнение с ЗИЛа и сели за карты. Играли мы в основном в буру и в секу, очко почему-то было не в почете. В буру обычно играют вдвоем или втроем, а нас было четверо и мы выбрали секу.

– А что это за игра с таким глупым названием? – пренебрежительно поинтересовался Егор.

– Сека отдаленно похожа на покер, только гораздо проще. Сначала составляется банк, допустим по пятаку, потом всем раздается по три карты. Считаешь очки, и либо делаешь новую ставку, что называется, проходишь, либо нет – врываешь. Очки считаются как в буре, но только по масти: тузы – одиннадцать, картинки – по десять, остальные по номиналу и только шестерки-шохи идут за одиннадцать и как джокеры присоединяются к любой масти. С ними так же считаются парные карты разной масти, допустим, шестерка и две девятки – это двадцать девять очков, а шестерка и две дамы – тридцать одно. Это называется кривые рамки. Три одинаковых карты – прямые рамки. Три восьмерки – это двадцать четыре, а три туза – тридцать три. А вот три шохи – это и есть сека, тоже тридцать три, и выше не прыгнешь. Бьет и трех лбов и шестерку с двумя тузами. Серьезные мужики у нас во дворе играли в секу без шох, только на масть. Так сложнее, количество вариантов значительно меньше. А мы, пацаны, играли по колхозному с шестерками, рамками и двумя лбами. В общем, положил я перед собой рубль мелочью, он у меня всегда был заранее отсчитан, и игра началась. В тот день мне везло, уже через полчаса я выиграл больше трех рублей. И тут Титов, тасуя, уронил колоду на землю, карты разлетелись, некоторые попали в лужу. Карты собрали, разложили сушиться, забрали новые фишки у молодых, пересчитали, но там не оказалось пары картинок, и откуда-то принесли еще одну колоду. Словом, Титов и братья Бирюковы суетились как наскипидаренные, а я, вполне довольный собой, курил и не обращал на них никакого внимания. Они проигрывают, пусть сами и решают свои проблемы. Наконец, снова сели за стол. Потянулись – кому сдавать – выпало Бирюкову сидевшему справа от меня. Его брат сидел напротив, а Титов слева. Я на первой руке сразу затемнил пятачком, то есть сделал первую ставку, не глядя в свои карты. Удобно тем, что остальные должны либо проходиться гривенником, либо врывать, а вскрыться можешь только ты, доставив пятачок и уравнив ставки. Все прошлись, я беру свои карты, сложив их стопочкой. Первая – крестовая шестерка. Тяну из-под нее вторую – шоха червей! Третью смотреть пока не стал, как минимум, двадцать девять очков точно есть! И тоже прошелся гривенником. Все тоже прошлись, никто не врыл. Я тяну третью карту – бубновая шестерка! У меня даже ладони вспотели, за три года игры сека мне ни разу не приходила. Впрочем, три шохи редко нормально играют, у остальных игроков карта, как правило, оказывается мелкая, и большой банк не завязывается. Я поднимаю ставку – прохожусь за пятнадцать копеек. Титов и один из Бирюковых тоже проходят по пятнашке, а вот другой Бирюков вдруг ставит сразу полтинник. Полтинник у нас был потолочной ставкой. «Надо же, – думаю, – как повезло. Наверное, тебе три лба или оставшаяся пиковая шоха с двумя тузами пришли. Сейчас ты зарвешься!». Титов и первый Бирюков свои карты врыли, и мы остались вдвоем. Он проходится полтинником – я отвечаю! Он проходится – я отвечаю! А про себя все думаю: «Ну, ты попал!». Вскрыться Бирев не может, потому что я в начале игры затемнил на первой руке, а потом еще накинул, и ему остается либо бросать карты, либо делать ставки до тех пор, пока я банк не уравнию и не вскрыю. Так мы сидим, и деньги на стол кидаем: «Прошел – прошел!

Прошел – прошел!». Все, кто были под навесами, дела свои побросали и вокруг нашего стола столпились. Еще бы, такой игры здесь отродясь не видали! Титов рядом сидит, ко мне жмется: «Засвети фишку. У тебя что сека?». А я карты стопочкой сложил и локтем придавил, сижу – молчу, только деньги отсчитываю. Когда банк поднялся до тридцати рублей Бирюков начал занимать. Потом и его брат подключился. Один играет, второй для него занимает. «На что вы, – думаю, – надеетесь? Ведь должны уже понять, что у меня три шохи». Мне бы самому понять, что здесь подстава какая-то. Так нет, сижу и радуюсь, прибыль считаю. Когда банк перевалил за сотню с каждой стороны, и занимать стало не у кого, к нашему столу подошел какой-то фиксатый мужик с наколками и сел рядом с Бирюковым. Позже оказалось, это был его дядя. Так вот, этот каторжанин достает лопатник и начинает ставить за племянника. Тут я понимаю – что-то не так! Не поведется этот зек при таком банке на шоху с двумя тузами. Я еще несколько раз прошелся и вскрылся. Выкладываю свои шестерки, а сам вместо радости чувствую, что попал. И точно. У Бирюкова тоже три шохи. Только у меня крестовая, червовая и бубновая, а у него пиковая, крестовая и червовая. Что называется – немая сцена... Я уже понял, что меня с моей беспроигрышной системой развели как последнего лоха, а Бирюков переворачивает все карты рубашками вверх, и точно! У двух моих шестерок рубашки чуть бледнее, чем у остальных. Все было разыграно как по нотам. Когда Титов уронил старую колоду в лужу, а я благодушно курил, Бирюковы зарядили в новую колоду две лишних шохи. Сами подсняли, сами раздали мне эти две старые шестерки, а я и повелся. Я было рывнулся забрать свои деньги с кона, но Бирюковский дядя накрыл их своими синими лапами и смотрит на меня с таким поганым блатным прищуром:

– А ты знаешь, что на зоне за такое делают?

– Знаю, – говорю. – Только это ваши племянники новую колоду старыми фишками зарядили!

– За слова отвечаешь?

– Отвечаю!

– Давай фишки считать!

Пересчитали обе колоды и точно: в старой не хватает двух шестерок, крестовой и червовой, а в новой пиковой десятки и бубнового короля.

– Ну и что, – говорю. – Они их давно куда-нибудь выкинули.

– Это не они их выкинули, а ты сам затырил. Что у тебя в карманах? Ну-ка покажи.

Тут я понимаю, что этот каторжанин все и замутил. У нас такие сложные подставы никогда не практиковались, да и ничьи дяди-зеки к нам под навесы никогда не забредали. Мы уже вышли из-за стола и стояли с Бирюковским дядей друг напротив друга. Он – пальцы веером, рубашка чуть не до пупа растягнута, весь синий, от наколок места чистого на теле нет. Да только я тоже не из пугливых. Я с пятого класса боксом занимался, особых звезд не хватал, но удар поставил хорошо. Только я собрался провести прямой правый, чтобы у этого синяка позвоночник в трусы просыпался, как Титов, который все вился вокруг меня, сует свою лапу в карман моего пиджака и достает оттуда две недостающие карты: десятку и короля:

– Да вот они!

– Так это ты же, – говорю, – сука, их мне в карман и положил!

И с разворота провожу ему хук в челюсть! А когда упал, еще ногой по роже добавил! Поворачиваюсь снова к Бирюковскому дяде, а вокруг него уже пацаны собрались. Ведь со стороны получается, будто это я Бирюкова обуть хотел, и того гляди, меня за это всей толпой метельть будут. Плюнул я в их сторону и пошел домой. По дороге зашел в магазин, купил пузырь портвейна, выпил в одиночку из горла и в квартиру уже вошел на бровях. А утром матери сказал, что получку где-то потерял по-пьяни. Я на эти деньги должен был на свои проходы стол накрыть. Пришлось матери по соседям занимать. А вечером накануне проводов я

обоих Бирюковых прямо в их подъезде отправил в нокаут, жаль только, что их дядя мне нигде не попался. Может оно и к лучшему, а то его я со злости мог и вовсе убить.

Вот так мне сделали на всю жизнь прививку от азарта. С тех пор я не то что на деньги, но даже на «кукареку» не играю. Никаких беспроектных систем не существует. Как говорили токаря на заводе: «На любую хитрую резьбу найдется свой хитрый болт».

Львович вздохнул и неожиданно ссутулился. Его невероятно прямая спина рухнула, и больше ничто в его облике не говорило о военном прошлом офицера-десантника.

– А мой отец, он что, тоже ходил играть под эти навесы? – задал Егор, единственный интересовавший его вопрос.

– Толик очень редко ходил туда. Только со мной за компанию. Он же был из интеллигентной семьи: мать – методист РОНО, отец – учитель математики. Если бы его за игру в карты замели в ментовку, это был бы такой скандал! Толик не хотел подставлять родителей. Мы дружили во дворе и в школе, а в армии, вообще, прожили два года в одной казарме. К тому же он был не азартен. Не понимаю, как он смог на склоне лет так втянуться в рулетку. Ты смотри сам не заболей этим делом, а то я себе еще одного игромана не прощу.

– А зачем же вы тогда принесли мне записку Глимскинда? – с обезоруживающей прямо-той спросил Егор.

– Сам не знаю. По-хорошему, ее давно надо сжечь, да почему-то рука не поднимается.

– Думаете, у меня поднимется?

– Не думаю. Но оставлять эту записку у себя я тоже не могу. Мне теперь кажется, что если бы я отдал ее Толику, то все было бы совсем по-другому.

– То есть вы отдаете записку мне, и сами умываете руки? – усмехнулся Егор.

– Получается так, – понуро кивнул головой Львович. – Извини, но я, кажется, сам туго соображаю, что делаю. Возможно, совершаю ошибку...

Егору показалось, что Львович снова что-то не договаривает.

– Вам надо отдохнуть. А завтра все будет выглядеть по-другому.

– Надеюсь... главное, не раскисать.

Львович резко поднялся со стула и, расправив плечи, вернул себе прежнюю офицерскую выправку. Он крепко пожал Егору руку и твердым уверенным шагом направился к двери. На пороге отставной десантник обернулся и посмотрел на Егора трезвым оценивающим взглядом:

– Запомни главное: выигрывает только тот, кто умеет вовремя остановиться.

– Полный пинцет, – обескуражено пробормотал Егор, закрывая за гостем входную дверь. – Чего только на свете не бывает.

Он вернулся в пустую гулкую комнату, подошел к софе и, заложив руки за голову, с размаху рухнул на нее спиной. Старенькая софа взвизгнула, словно собака, которой наступили на лапу, содрогнулась всеми своими шпунтами и пружинами, но стойчески выдержала свалившийся на нее удар.

Спал Егор плохо. Ему снились то мертвый отец, то какие-то зеленые суконные поля, разделенные заборами из крестиков и палочек, то костяной шарик, безостановочно бегущий по колесу рулетки. А когда под утро сновидения исчезли, и Егор, наконец, провалился в безмятежную темноту, его разбудил телефонный звонок.

– Егор Анатольевич? Это вас из морга беспокоят. Можете приезжать за свидетельством о смерти, ваш труп некриминальный, – сухо сообщил невыразительный бесполой голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.